

18+

ЗАТЯНУВШИЙСЯ
ОТПУСК

НАИДА БАШИРОВА

Наида Баширова

Затянувшийся отпуск

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50283864

ISBN 9785449813435

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. С согласившись на предложение случайного попутчика вычислить человека, работающего в его банке на конкурентов, Наргиз дала втянуть себя в опасное расследование и привлечь внимание как спецслужб, так и преступников. Стрельба, похищение, убийства, а на кону – большие деньги. Предполагала ли журналистка из маленького городка, что двухнедельный отпуск в Москву затянется на долгий год, а ей придется скитаться по чужим городам и странам с человеком, которого она считала виновным в убийстве ее друзей?

Содержание

– 1-	5
– 2-	29
– 3-	36
– 4-	45
– 5-	47
– 6-	63
– 7-	72
– 8-	88
– 9-	104
– 10-	120
– 11-	128
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Затянувшийся отпуск

Наида Баширова

© Наида Баширова, 2020

ISBN 978-5-4498-1343-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Протискиваясь сквозь плотную толпу людей к своему вагону, Наргиз вспоминала слова старшей сестры, в которых звучало нескрываемое огорчение:

– Ты не меняешься, все такая же импульсивная и непредсказуемая!

Это восклицание вырвалось у Мадины, когда Наргиз, прервав себя на полуслове, вдруг замолчала, тоскливо о чем-то задумавшись, а потом тихо, почти шепотом проговорила:

– Я хочу куда-нибудь уехать. Я нигде не была уже много лет. В конце концов я в отпуске.

– И куда ты хочешь поехать?

Все так же шепотом Наргиз произнесла:

– Я хочу в Москву. – И уже громче: – Сегодня же! Прямо сейчас! – И, не откладывая, тут же отправилась собирать вещи.

– А как же дети? – Мадина в растерянности смотрела ей вслед.

– Ты ведь посмотришь за ними.

В словах Наргиз было скорее утверждение, а не вопрос, и сестра все так же растерянно кивнула головой.

– Ты не меняешься, все такая же импульсивная и непредсказуемая! – только и сказала она.

Было лето, пора отпусков, и купить билеты как сюда,

на юг, так и в любое другое направление было почти невозможно. Наргиз удалось достать билет через знакомую кассиршу в самый последний момент, и теперь она шла по узкому коридору вагона в поисках своего купе.

– Кажется, именно здесь должно быть место под номером «двадцать пять», – пробормотала она себе под нос, открывая седьмую по счету дверь купе.

На нее уставились четыре пары настороженных глаз.

– А здесь все места заняты, – проговорил мужчина, лениво растянувшийся на верхней полке.

Сказано это было нарочито бодрым и твердым голосом, только, как сразу отметила про себя Наргиз, выглядел он не столь уверенно, как говорил.

– Вот мой билет, в нем четко указано место под номером «двадцать пять», – возразила она, предъявляя свой билет.

– Не знаю, что у вас там указано, – буркнул, приподнявшись на локте, все тот же мужчина, – но мы заплатили проводнице за все четыре места. Разбирайтесь с ней.

«Ах, вот в чем дело! – невесело подумала Наргиз. – Кто-то из них едет без билета. А может, и все четверо. Теперь придется долго и нудно объясняться сначала с ними, потом с проводником. Свое место она в итоге займет, но перспектива ехать двое суток в одном купе с людьми, которые будут злиться и косо смотреть на нее, не особенно-то прельщала». Словно прочитав ее мысли, в разговор вмешалась пожилая женщина в накинутой на узкие плечи темной шали.

– Вы не подумайте что-то плохое, у них есть билеты. Это я безбилетница. В последний момент уговорила своих соседей взять меня с собой в Москву. Одной ехать страшно – я совсем не знаю этот большой город и боюсь попросту затеряться в нем, а сына видеть нужно. Больше полугода от него ни слуху ни духу. Как уехал из Дербента в Москву – так и пропал.

Некоторое время Наргиз стояла в раздумье, не зная, как поступить. Конечно, она могла потребовать, чтобы место освободили, но глаза пожилой женщины смотрели так умоляюще, что она только пробормотала:

– Не беспокойтесь, я что-нибудь придумаю. Только позвольте, я оставлю здесь на несколько минут свои вещи.

Поезд уже тронулся, когда она, наконец, нашла проводницу и объяснила ситуацию.

– Да-а... – протянула, несмотря на полноту, очень подвижная и проворная проводница с хитровато-добродушным лицом. – Не переживайте, сейчас решим, что с вами делать.

На раздумье у нее ушло не больше минуты. Подняв на пассажирку свои маленькие с хитринкой глазки, она предложила:

– Знаете, второе купе занимают только двое: мужчина и женщина приблизительно вашего возраста, но закупили они все четыре места. Попросите их, может, повезет и они разрешат вам ехать с ними.

Наргиз не любила выступать в роли просительницы, но сейчас у нее не было выбора. Хмурясь и мысленно чертыхаясь, она направилась к купе под номером «два», громко, чтобы заглушить стук колес, постучала и, не дождавшись ответа, открыла дверь. В купе, как и сказала проводница, находились только двое.

– Я могу занять свободное место?

Голос ее был отнюдь не просительным, и, возможно, поэтому тут же последовал резкий ответ:

– Нет.

Но не успела Наргиз хоть каким-то образом отреагировать на отказ, прозвучавший из уст молодой женщины, как услышала совершенно противоположное:

– Пожалуйста, заходите.

Она не могла не заметить недоуменный и сердитый взгляд, который женщина бросила на своего спутника.

– Но ты ведь специально закупил все купе, чтобы мы могли остаться одни, – капризным тоном протянула пассажирка.

Мужчина небрежно пожал плечами:

– Нельзя же, чтобы ради нашего комфорта другие остались без места.

– Но мы за этот комфорт заплатили! И, вообще, я не собираюсь...

Он поморщился и довольно невежливо перебил ее:

– Помолчи, пожалуйста, Лариса.

Молодая женщина осталась сидеть с открытым от удив-

ления ртом, но быстро спохватилась, собралась было отчитать своего спутника, однако, встретившись с его холодным взглядом, сочла за лучшее промолчать. Единственное, что она себе позволила, – недовольно надуть свои красивые пухлые губки, демонстративно отвернуться от мужчины и уставиться невидящим взором в окно.

Не очень-то приятно было сознавать, что она явилась причиной ссоры между двумя пассажирами, но Наргиз подумала, что они поссорились бы, даже не будь ее здесь. Слишком взбалмошной и упрямой казалась Лариса. Однако следовало признать, что молодая женщина потрясающе красива. Правда, это была кукольная красота, за ней – она была в этом уверена – ничего сколько-нибудь выдающегося не скрывалось. А вот у ее спутника внешность была примечательная. Он тоже был очень красив: высокий, худощавый, ни грамма лишнего веса, лицо властное, выразительное, скульптурно вылепленное, словно над ним работал великий мастер, ни одной неверной черточки. Настоящее произведение искусства, и, несомненно, представляет опасность для любой представительницы противоположного пола от шестнадцати до восьмидесяти лет.

«Какое породистое лицо! – восхищенно подумала Наргиз. – Такие вообще не должны появляться на свет». Самыми замечательными в нем были глаза: темно-карие, блестящие, они смотрели на собеседника внимательно и чуть насмешливо. Сейчас он сидел с газетой в руках и, кажется, совсем

позабыл о своей подруге. Наргиз показалось, что его не особенно интересует и то, что написано в газете. Вряд ли из-за какой-нибудь публикации в ней так помрачнело его лицо, а взгляд сделался задумчивым. Через некоторое время он отложил газету, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Несколько минут в купе царила тишина. Наргиз села у окна и, в отличие от девушки напротив, уставившейся перед собой невидящим взором, с любопытством разглядывала людей и дома, мимо которых мчался поезд.

– Вы едете в Москву? – неожиданно проявила к ней интерес Лариса.

– Да, – последовал короткий ответ.

– И почему сейчас на московских рынках килограмм помидоров?

Наргиз непонимающе уставилась на свою собеседницу:

– А я это должна знать?

– Ну, конечно! – последовал безапелляционный ответ. – Разве вы не едете торговать на рынке?

– Интересно, почему вы так решили?

– Потому что вы похожи на торговку с базара. – Лариса мстительно улыбнулась, предвкушая ответную реакцию незваной пассажирки.

Мужчина открыл глаза и бросил пристальный взгляд сначала на одну, потом на другую женщину.

– Прошу вас простить Ларису, – начал извиняться он, но Наргиз перебила его.

– Не надо, – очень спокойно сказала она. – Если вы думаете, что я обиделась, то ошибаетесь. Нисколько. Меня вообще трудно обидеть. Точнее, я никогда не обижаюсь.

– Разве это возможно? – полюбопытствовал мужчина.

– Конечно. Достаточно только понять, почему человек сказал или сделал то, что сделал.

– Значит, вы готовы простить всех и вся?

– Я не сказала «простить».

– В таком случае я расцениваю ваши слова как признание в злопамятстве.

– Вы делаете скоропалительные выводы. Я ничего не забываю, но это не значит, что при удобном случае я отвечу тем же или буду мстить. Я думаю, природа и так отомстила этим людям, обделив их умом.

Ларисе было трудно понять, каким образом последнее замечание касается лично ее, но то, что касается, было для нее очевидно.

– Что вы хотите сказать? – со всей высокомерностью, на которую была способна, спросила она.

В глазах Наргиз странного темно-вишневого цвета заплясали смешинки.

– Только то, что умные люди не обижаются.

– К умным людям вы, конечно, причисляете и себя? – саркастически улыбнулась Лариса.

– Конечно, – в тон ей отозвалась Наргиз.

– И в чем, позвольте полюбопытствовать, заключается

ваш ум? – Ларису понесло, она уже не могла остановиться.

– В том, чтобы не обижаться на таких, как вы.

Незванная пассажирка была совершенно спокойна, и это еще более выводило ее соседку из себя.

– Это каких же?

– Взбалмошных, упрямых, эгоистичных, любящих только себя, заботящихся о собственной персоне и безразличных к окружающим, а также грубых, нетактичных, глупых и малообразованных, – невозмутимо перечислила она.

– У меня высшее образование! – взвизгнула Лариса.

Из всего перечисленного ее почему-то задело именно последнее обвинение.

Слегка подавшись вперед, Наргиз поинтересовалась:

– Разве в наше время это так много значит?

– А разве нет? Вы так говорите, потому что сами не получили никакого образования. Я удивлюсь, если вы вообще окончили среднюю школу. Небось, на одни двойки учились и ни одной книжки в своей жизни не прочитали? Да вы, наверное, и читать-то не умеете!

Стараясь посильнее уколоть свою собеседницу, Лариса несла несусветную чушь, однако ее выпады не достигли цели. Наргиз откровенно рассмеялась: ее забавлял этот диалог. Ларису чуть не передернуло от ее смеха. Придав своему лицу равнодушный вид, она встала с места, поправила на себе коротенькую узкую юбку и вышла из купе.

Наргиз поймала на себе внимательный взгляд мужчины.

– А вы жестоки.

Она вздрогнула.

– Правда иногда бывает жестокой.

– Вам не стоило всего этого говорить.

– Может быть, – нехотя согласилась она.

Мужчина встал и тоже вышел из купе. Он вернулся минут через пять и молча сел на свое место.

– Она очень сердится?

– А как вы думаете?

– Я бы попросила у вас прощения за неудобства, которые причинила, если бы не знала, что вы стали ссориться раньше, еще до моего появления.

Мужчина удивленно вскинул голову.

– Откуда вам это может быть известно?

– Иначе вы не пустили бы меня в свое купе. Вы ведь действительно закупили все четыре места, чтобы никто вам не мешал. Только между вами произошла небольшая стычка. Лариса, должно быть, в очередной раз продемонстрировала свой характер, вам это не понравилось, и вы ужаснулись при мысли, что еще целых два дня вам предстоит находиться вдвоем в таком тесном пространстве, как это купе. Поэтому вы, не задумываясь, пустили к себе еще одного пассажира. Только, думаю, – пробормотала Наргиз, – вы уже пожалели об этом своем решении.

На красивом выразительном лице мужчины внезапно отразилось любопытство.

– Неужели вам понадобилось несколько минут, чтобы так точно охарактеризовать Ларису?

– Так вы признаете, что я была права?

Он кивнул головой, выжидающе глядя на нее.

– Порой достаточно одного взгляда, чтобы безошибочно определить, чего стоит тот или иной человек, через что он прошел или через что ему предстоит пройти. Что касается Ларисы, то тут все понятно. – Она прижала пальцы к вискам, немного помассировала их и потом продолжила: – Мне кажется, она родилась в маленьком провинциальном городке в материально неблагополучной семье. Так ведь? Её родители разошлись, когда она была совсем маленькой. Возможно, она вообще не знает, кто её отец. Лариса жила с матерью, та, как могла, баловала дочь, но удовлетворить её растущие потребности была не в состоянии. Подрастая, девочка все больше и больше ненавидела нищету, которая её окружала, и все больше презирала свою мать. «Моя жизнь никогда не будет такой, как у нее», – думала она, а уверенность в этом ей придавала ее необыкновенная красота. После окончания школы она собрала свои вещи и уехала в Москву, а в родной город возвращаться зареклась. Не знаю, какой вуз она окончила, но уж точно не технический. И уж точно главной для нее была не учеба, а корочка – диплом о высшем образовании, который вкупе с ее красотой позволит найти такую работу, чтобы она не только приносила хорошие деньги, но и познакомила с нужными людьми, за одного из которых она впо-

следствии может выйти замуж. Думаю, вы знакомы с ней месяца три-четыре, – сделала она резкий переход.

– Почему? – быстро спросил он.

– Потому что более долгий срок выдержать возле себя такую особу трудно, – без улыбки сказала Наргиз. – Хотя, – тут же с иронией добавила она, – найдется, наверное, немало мужчин, которым нравятся такие женщины, как Лариса: красивые, взбалмошные, стервозные. Им нравится их баловать, исполнять все их прихоти, держать их при себе, а когда нужно, демонстрировать друзьям и знакомым как красивую и дорогую игрушку.

Она заметила, как ее собеседник усмехнулся.

– А меня вы не причисляете к таким мужчинам? – неожиданно спросил он.

– Нет, не причисляю, – не задумываясь, ответила она.

– Вы так полно охарактеризовали Ларису, словно знаете ее много лет. У вас со всеми так получается?

– Не знаю, я как-то не думала об этом.

– И все же, как вы определили, что она росла в малообеспеченной семье?

– На ней очень дорогой наряд, но она не носит его так, словно родилась в нем. Значит, было время, когда она не могла себе позволить такую одежду. Ей недостает стиля. И в ней... в ней не чувствуется породы.

– А что, к примеру, вы могли бы сказать обо мне? – после минутного молчания проговорил мужчина.

– Ничего, – медленно ответила она. – Я даже не знаю вашего имени.

– Это легко исправить. Чингиз, – представился он, чуть приподнявшись с места и вновь садясь. – Кстати, и мне неизвестно ваше имя.

Молодая женщина вдруг рассмеялась, и он вопросительно взглянул на нее.

– В моем имени второй слог совпадает с вашим. Меня зовут Наргиз.

– Очень приятно.

Дверь купе открылась, и вошла Лариса. Не глядя ни на кого, она села к окну. Чингиз бросил на нее быстрый взгляд, но, поняв, что она все еще дуетса, переключил внимание на Наргиз.

– Так что бы вы сказали обо мне? – Боковым зрением он заметил, как при этих словах Лариса повернулась в их сторону.

– Если вам интересно... – Наргиз на миг закрыла глаза, потом открыла их и уже не отрывала взгляда от мужчины.

– Вы боитесь летать самолетом, просто в ужас приходите от одной мысли подняться по трапу и сесть в него, – выпалила она через минуту и увидела, как изменился в лице Чингиз.

– Откуда вам это известно? – Он и не пытался скрыть своего изумления. – Как ни стыдно признаться, я действительно испытываю страх перед полетами.

– Этого не надо стыдиться. У каждого своя фобия.

– У вас тоже?

– Наверняка есть, только я о ней пока не знаю.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Все очень просто. Ведь вы сейчас находитесь не в салоне самолета, а здесь, в вагоне поезда.

– Но и вы едете в поезде, разве это значит, что вы боитесь летать самолетами?

– Я – другое дело. Я не лечу самолетом по той лишь причине, что мне он не по карману: стоимость билета на поезд сейчас в три раза дешевле чем на самолет. Вас же такие проблемы не могут смущать.

– Отчего же? Может, я беден, как церковная мышь?

– В штучных джинсах фирмы «Ли», пуловере с ярлычком «Марко Поло», который, по самым моим скромным подсчетам, тянет на триста долларов, и часах швейцарской фирмы «Лонжин»? – с явной иронией произнесла она.

Чингиз окинул взглядом свой летний пуловер, затем джинсы и часы и засмеялся.

– Да, в такое трудно поверить.

– Я еще не сказала о том, что вы закупили все купе. То есть заплатили в два раза больше, чем было необходимо.

– И все же... Могла быть, скажем, нелетная погода?

– Последние два-три дня на небе не было ни облачка. Вы ведь из Баку?

Чингиз кивнул.

– Уверена, там также всю светит солнце. Это ведь все-

го в пяти часах езды от Дербента. И потом – вы очень торопитесь попасть в Москву и, тем не менее, предпочли поезд и два с половиной дня пути в жару трем часам лету на самолете.

– С чего вы взяли, что я тороплюсь в Москву? – нахмурился Чингиз.

– Потому что вы купили билет не заранее, а в последний момент.

Удивление Чингиза возрастало с каждой минутой. Он непонимающе уставился на Наргиз.

– А это-то вы откуда знаете?

– Если бы вы покупали билет заранее, то выбрали бы не этот вагон, а классом выше. На «СВ» билетов не было, и вам ничего не оставалось, как купить билеты на обычный купейный вагон.

– Так и было, – должен был признать Чингиз.

Некоторое время в купе царило молчание, потом раздался насмешливый голос Ларисы.

– Может, вы еще скажете, почему он так спешит в Москву?

– Вы многого от меня требуете.

– Ага... – обрадовано протянула Лариса.

Наргиз не обратила никакого внимания на ее возглас.

– Единственное, что я могу сказать, – продолжала она, – это каким-то образом связано с вашей работой. Вы получили неприятное известие, ситуация требует вашего личного

присутствия, и вы были вынуждены прервать свой отпуск, огорчив при этом своих родителей. Кстати, о ваших родителях. Если я не ошибаюсь, ваш отец в советские времена занимал достаточно высокую должность, работал либо директором крупного предприятия, либо в каком-нибудь министерстве, а, возможно, и самим министром. Думаю, он и сейчас является большим чиновником. Ему удалось благополучно обойти все течения последних лет и остаться у руля. А ваша мать... Она либо преподаватель, но не в обычной школе, либо врач. Ну а что касается вас, то вы окончили престижный московский вуз с экономическим уклоном и возвращаться домой не захотели. Вам не нравится многое из того, что делается в вашей республике, и вы считаете, что развернуться в полную силу там вам не удастся, точнее вам не дадут этого сделать. Потому вы остались в Москве и открыли свое дело. Какую-нибудь контору, фирму или компанию, причем довольно крупную. Что-то связанное с ценными бумагами и большими деньгами.

Она прервалась на миг, но, заметив, что ее внимательно слушают, продолжила:

– И немного о вашем характере. У вас широкая натура, вы открыты и щедры, можете быть сентиментальны, и вместе с тем вы прагматичны, реально оцениваете свои силы и возможности, довольно осторожны, не идете на напрасный риск, но, если нужно, можете проявить жесткость, непримиримость, выдержку и силу характера. В меру честны и поряд-

дочны.

Чингиз вскинул голову.

– Это как же «в меру»?

– В большом бизнесе трудно оставаться честным и порядочным, – уклончиво ответила Наргиз. – И еще. У вас много друзей, но и врагов хватает – явных и неявных. От близких людей вы, в первую очередь, требуете искренности и верности. Не любите обмана и лжи, но самому нередко приходится хитрить, идти на компромиссы, иметь дело с людьми, которые вам не нравятся и которым вы не доверяете.

Чингиз долго молчал, не сводя глаз с Наргиз, потом глубоко вздохнул и произнес:

– У меня такое ощущение, что вы жили где-то по соседству и все время следили за мной.

– А может, так и есть? – вмешалась Лариса. – Тебе не кажется, что она морочит нам голову?

Наргиз покачала головой.

– Должна вас огорчить, но я вас вижу в первый раз. Я шесть лет никуда не выезжала из родного города, в Москве последний раз была семь лет назад, а в Баку – и того больше.

– Так, значит, вы слышали о Чингизе от кого-нибудь, – не желала отступать Лариса, – или, скорее всего, читали о нем в газетах. В центральной прессе было несколько статей о его банке.

– Вы сами себе противоречите, – холодно возразила Наргиз. – Только недавно вы утверждали, что я не умею читать.

Лариса не нашлась что ответить, а Чингиз только улыбнулся.

– Вы должны простить ее. В отличие от вас она плохо разбирается в людях.

– Простить меня?! – Лариса даже привстала от возмущения. – Она должна простить меня?! Что я сделала такого, что ты просишь за меня прощения? Это она ворвалась к нам сюда, ее никто не звал!

Лариса еще долго могла бы говорить в подобном тоне, но взгляд, брошенный на нее Чингизом, быстро охладил ее пыл. Даже Наргиз стало не по себе от холодного жесткого взгляда, пригвоздившего красавицу к месту и заставившего ее надолго замолчать. Что ж, это только подтвердило ее мнение о нем: он может быть жестким и непримиримым.

Воспользовавшись паузой, Наргиз вышла из купе и отправилась за своими вещами. Весь оставшийся вечер она просидела с книгой в руках, лишь пару раз перемолвившись несколькими словами со своими соседями по купе. Отправляясь в вагон-ресторан, Чингиз предложил ей составить им компанию, но она отказалась.

– Благодарю, но я не ем в поездах.

– Хотите сказать, что собираетесь голодать почти двое суток? – не понял он.

Наргиз кивнула:

– Меня угнетают запахи в поездах, я не могу ничего есть. Даже домашняя еда, как мне кажется, пропитывается специ-

фическим запахом вокзалов и поездов. Своего рода фобия.

Она рано легла спать, а весь следующий день молча просидела возле окна, не обращая внимания на своих спутников и занимаясь своим любимым делом – разгадыванием кроссвордов. Взяв в руки отложенную ею газету с кроссвордами, Чингиз не без восхищения промолвил:

– Кажется, чужая подсказка здесь не требуется. Вы не оставили ни одной свободной клеточки.

– Она наверняка подглядывала в ответы, – не удержавшись, съязвила Лариса.

Наргиз даже не повернула головы в ее сторону, но Чингиз счел нужным отреагировать на ее слова.

– Здесь нет ответов. Можешь убедиться, – и бросил ей на колени газету.

Лариса вскочила с места, уронив газету на пол, и стремительно вышла из купе.

Чингиз, поднимая газету с кроссвордами, вздохнул:

– Кажется, я испортил ей все впечатление от нашей поездки.

– Не без моей помощи. Но не переживайте: она вытерпит от вас и не такое.

Он вопросительно посмотрел на нее.

– Пока она еще надеется выйти за вас замуж, – пояснила Наргиз, – но как только вы ей скажете «да» или «нет», все изменится. Тогда она сможет отыгаться на вас, напомнить вам и сегодняшний день, и остальные, похожие на этот.

– Значит, впереди меня ждут не самые лучшие дни: я не собираюсь жениться, по крайней мере, в ближайшие пять лет.

– В этом будете виноваты вы сами.

– Я сам? – переспросил он.

– Конечно. Не надо было подавать ложные надежды. Она ведь рассчитывала на нечто большее, чем обычный флирт, который вы ей предложили.

– И вам нисколько меня не жалко? – неожиданно с шутовой интонацией произнес мужчина.

– Нисколько, – не приняла его легкомысленного тона Наргиз. – Как говорится, что посеешь, то и пожнешь.

Весь день три пассажира купе ехали молча. Наргиз читала, Лариса глядела в окно или зеркало, то и дело поправляя прическу, пудря нос, подкрашивая губы и стараясь привлечь внимание Чингиза, а тот по мере приближения к столице все больше хмурился. Видимо, его одолевали тревоги, далекие от забот двух пассажирок. Лишь изредка Наргиз ловила на себе его внимательный, испытывающий взгляд. Кажалось, он хотел ей что-то сказать или предложить, но не решался.

Лариса от скуки все больше времени проводила в коридоре. Высокая, светловолосая и длинноногая, в ярком броском наряде, она не могла не привлекать к себе внимания мужчин. С ней заговаривали, делали восторженные комплименты, предлагали составить компанию. Лариса охотно при-

нимала адресованные ей комплименты, стремясь вызвать у Чингиза если не ревность, то хотя бы раздражение, но тот взирал на происходящее равнодушно, занятый своими мыслями. За окном начинало темнеть, когда Лариса вошла в купе, провела расческой по длинным платиновым волосам и, немного растягивая слова, произнесла:

– Молодой человек из соседнего купе приглашает меня в ресторан. Я решила принять предложение. Надеюсь, ты не против, дорогой?

Чингиз лишь на мгновение поднял голову и спокойно кивнул:

– Нисколько. Тебе следует развлечься.

Лариса бросила на него яростный взгляд и вышла, громко хлопнув дверью.

Наргиз так углубилась в чтение японских детективов, что не заметила, как ее внимательно разглядывают. Ее нельзя было назвать красивой. Чингиз знал женщин, при виде ослепительной красоты которых хотелось стать на колени от благоговения. Но в лице Наргиз было нечто гораздо более привлекательное – характер, воля, решимость. Подбородок сильный, волевой – должно быть, упрямства ей не занимать. Однако взгляд Чингиза настойчиво притягивали ее глаза невероятного темно-вишневого цвета и волосы – густые, соболиные.

Наргиз не сразу услышала его голос.

– Мне нужно с вами поговорить.

Чингизу пришлось повторить это дважды, прежде чем она отложила книгу и в ожидании продолжения уставилась на него.

– С какой целью вы едете в Москву? – Поймав ее удивленный взгляд, он продолжил: – В отпуск, командировку, по своим делам, навсегда или на какое-то время?

– Если коротко, то отдохнуть, а поездка, полагаю, продлится месяц.

– Значит, у вас нет определенной цели? – Кажется, ее ответ удовлетворил его. – Вы не могли бы часть своего времени уделить мне?

– Что вы имеете в виду?

– Помните, вы сказали, что у меня неприятности на работе? Это на самом деле так. Вы догадались, что моя работа как-то связана с ценными бумагами: я возглавляю банк. Не такой крупный, как «Альфа-банк» или «Континенталь-банк», но довольно солидный и влиятельный. Банк функционирует всего пять лет, но мы уже успели обзавестись постоянной клиентурой. У нас влиятельные друзья, хорошие партнеры и так далее. Есть и недруги, но этим сейчас никого не удивишь. Я бы не обратил на них особого внимания, если бы не заметил, что с некоторых пор все наши планы становятся известны нашим конкурентам. Несколько месяцев назад мы собирались купить контрольный пакет акций одного из крупнейших промышленных предприятий страны. Все уже было оговорено, цена устраивала обе сторо-

ны, но в самый последний момент нас опередили. Несколько позже мы договорились вложить большую сумму денег в реконструкцию и внедрение высоких технологий на другом крупном сталелитейном предприятии, однако и на этот раз нас опередили. Наше место занял тот же самый конкурент. Потом было еще несколько аналогичных случаев – точнее три. Последний произошел на днях. После возвращения из Баку я собирался заключить с западными бизнесменами контракт, выгодный как для них, так и для нас. И вот три дня назад я узнал, что у нас перехватили и этот контракт. Не нужно большого ума, чтобы понять: у нас происходит утечка информации. Я догадывался об этом давно, но заподозрить никого не могу. Со многими из тех, кто работает в банке, я знаком много лет – я начинал с ними. Подозревать их в предательстве очень трудно, – он перевел дыхание и неожиданно спросил: – Вы не могли бы мне помочь?

– Я?! – удивленно протянула Наргиз.

– Да, вы. Я думаю, что вы сможете вычислить нужного человека. У вас хорошо развита логика, вы обращаете внимание на мелочи, которые другие не замечают, у вас твердый характер. Вы согласны?

Наргиз тихо засмеялась.

– Так сразу и ответить? Я ведь сказала, что еду отдыхать. Даже месяца недостаточно, чтобы посмотреть в Москве все то, что я наметила, тем более что я не была в столице столько лет. А вы предлагаете мне заняться каким-то расследовани-

ем. Почему бы вам не обратиться в милицию или не пригласить профессионального детектива? И потом, у вас наверняка есть своя служба безопасности.

– Да, есть, но дело в том, что месяц назад нелепейшим образом, под колесами автомобиля погиб начальник службы безопасности нашего банка, в недавнем прошлом высокопоставленный офицер ФСБ.

– Вы уверены, что это была случайная смерть? – быстро спросила Наргиз.

Чингиз нахмурился:

– Я не знаю. Водитель скрылся с места происшествия, свидетелей не оказалось. Я пока не нашел ему замены, так что на службу безопасности без ее опытного руководителя надежды мало, с милицией лучше не связываться, а насчет детектива... В банке сразу станет известно, что я привлек к расследованию детектива, а мне этого не хотелось бы. Вы же сможете действовать, не привлекая чужого внимания. Я приму вас на работу в каком-нибудь качестве, и вы начнете расследование.

– Вряд ли я смогу быть полезна в этом вопросе, – немного подумав, отказалась Наргиз.

– Я хорошо вам заплачу, – продолжал настаивать мужчина.

Она улыбнулась и покачала головой.

– Вам не нужны деньги? Тысяча долларов за каждый день работы.

Предложение было заманчивым. Даже очень. Такие деньги ей, конечно, не помешали бы, но она не была уверена, что справится с задачей, которую он возлагал на нее. У нее не было опыта в подобных расследованиях. Правда, ей не раз приходилось проводить журналистские расследования – она работала собственным корреспондентом на Северном Кавказе одной из центральных газет, – но то, что сейчас от нее требовали, по плечу только сыщикам-профессионалам. Это она и сказала Чингизу. Тот был разочарован.

– Хорошо, не буду настаивать, но на случай, если вдруг передумаете, я оставлю вам свой номер телефона и адрес.

Он протянул ей визитную карточку, и Наргиз нехотя приняла ее. До конца поездки они больше не возвращались к этому разговору. Сойдя на перрон Курского вокзала, они простились и разошлись в разные стороны.

Наргиз любила Москву, страшно соскучилась по ней и потому первые несколько дней отпуска просто гуляла по московским улицам, вспоминая, какими они были семь лет назад, и, любуясь тем, какими стали сейчас. Здесь многое изменилось за прошедшее время. В последний раз, когда Наргиз была в этом городе, Москва напоминала огромную мусорную свалку. Столица была отдана в руки торговцев и преступников. Нынешний мэр, надо отдать ему должное, не просто вернул Москве прежний облик, а сделал ее еще лучше и краше. Сейчас, в начале двухтысячных, город преобразился, стал действительно похож на столицу великой державы, в нем появилось много новых красивых зданий, оригинальных по архитектуре и стилю, новых памятников и храмов, театров и торговых центров. В первую очередь она побывала в Третьяковской галерее, где не была после ее открытия, последовавшего за длительным ремонтом, а затем сходила в Пушкинский музей изобразительных искусств, где всегда так любила бывать. Посетила она и восстановленный храм Христа Спасителя, была восхищена его убранством и, хотя не принадлежала к православной церкви, поставила свечку за здоровье своих родных.

Прогулка по бывшей ВДНХ, теперь по ВВЦ, заняла у нее почти целый день. Павильоны и фонтаны ВВЦ остались по-

зади, и теперь она шла по проспекту Мира голодная и усталая, не чувствуя от долгой ходьбы ног. По-летнему нещадно палило солнце. «Если я сейчас не присяду, – вяло подумала она, – то упаду прямо посреди тротуара». Она искала глазами какое-нибудь кафе, в который могла бы зайти и перекусить, не нанося при этом ощутимого ущерба своему карману, но не нашла ничего подходящего. Три дня назад ее поход в маленькое, ничем непримечательное кафе обошелся ей в четверть месячного оклада. Если такое повторится еще раз, ей не на что будет ехать домой.

Жизнь в Москве стоила очень дорого; Наргиз предполагала это, но не думала, что настолько. Если она захочет остаться здесь еще на три недели, то ей придется просить деньги взаймы, а брать в долг она не любила.

Неожиданно ее взгляд наткнулся на вывеску «Эконом-банк», такую огромную и бросающуюся в глаза, что ее невозможно было не заметить даже с расстояния триста метров. Откуда ей знакомо это название? Из газет, рекламы? Нет, она явно его слышала или видела где-то в другом месте, причем совсем недавно. Неожиданно ее осенила догадка. Она покопалась в сумочке и нашла визитку, которую перед самым расставанием оставил ей Чингиз. На визитной карточке был указан именно этот банк и именно по этому адресу. Недолго думая, она направилась к красивому четырехэтажному зданию.

Начало девятнадцатого века, сразу определила Наргиз,

когда-то скрупулезно изучавшая архитектуру. Но если фасад здания оставался таким же, как почти двести лет назад, то внутреннее убранство ничем не напоминало девятнадцатый век: сразу за стеклянными дверьми находилась огромная комната, отделанная под белый мрамор с дорогими кожаными диванами и креслами. В комнате находились шестеро мужчин, возраст которых колебался от двадцати двух до тридцати лет. Все они были высокого роста, широкоплечие с непроницаемыми каменными лицами. Один из них тут же поднялся навстречу посетительнице и, стараясь придать лицу любезный вид, что, впрочем, у него плохо получалось, поинтересовался:

– Чем могу быть вам полезен?

Охранник окинул ее с головы до ног критическим взглядом. Вид у незнакомки был не самый презентабельный: пыльная обувь на сплошной подошве, простенькое платьице из крепдешина в мелкий черный горошек, дешевый ридикюль из кожзаменителя...

Нетрудно было догадаться, какое впечатление она произвела на охранника, но это нисколько ее не смутило и не обескуражило. Она представилась и спокойно протянула ему визитную карточку Чингиза.

– Я по приглашению президента банка. Он на месте?

Не отвечая на ее вопрос, охранник попросил:

– Подождите, пожалуйста, немного, я сейчас.

Молодой человек исчез на несколько минут, а когда вер-

нулся, очень любезно, даже почтительно предложил:

– Проходите, он вас ждет.

В сопровождении другого молодого человека с огненно-рыжими волосами и веснушчатым лицом Наргиз поднялась на третий этаж. В светлой просторной приемной перед светящимся экраном компьютера сидела секретарша, голубоглазая красавица двадцати пяти-двадцати шести лет. Она приветливо улыбнулась вошедшим.

– Вас ждут, – обратилась она к посетительнице.

В комнате прямоугольной формы с длинным рядом столов и стульев Чингиз находился один. Он стоял у окна, элегантный и подтянутый, каким она его и запомнила. На нем был темно-серый костюм строгого покроя и серый галстук в крапинку. Увидев ее, он радостно улыбнулся, шагнул навстречу и протянул руку.

– Я рад, что вы передумали. Садитесь, пожалуйста, – предложил он и сам направился к креслу во главе стола.

Наргиз почувствовала неловкость. Она и не думала принимать его предложения. «Тогда зачем я пришла сюда?» – задала она себе резонный вопрос и не смогла ответить на него. Ее визит в банк он мог расценить только как согласие сотрудничать с ним. Остается лишь пенять на себя: ей следовало пройти мимо здания банка, теперь же... Теперь ей ничего не останется, как начать расследование, в котором Чингиз так заинтересован.

– Вы действительно думаете, что у меня что-то получит-

ся? – спросила она.

– Уверен. У вас оригинальное мышление и хорошо развитая интуиция. Но даже если вы не добьетесь успеха, это не должно вас беспокоить. Всю ответственность я беру на себя.

– Кто введет меня в курс дела?

– Я сам. Я уже говорил вам, что не хочу, чтобы кому-нибудь стало известно, с какой целью я привлек вас к работе.

– Как вы меня в таком случае представите?

– Как новую сотрудницу банка.

– Но я ничего не смыслю в банковском деле.

– Это не важно.

– Вы так думаете? А, на мой взгляд, это может вызвать подозрение. У вас ведь солидный банк, а принимаете человека с улицы без соответствующего образования.

– Я могу сказать, что вы моя родственница.

– Это мало поможет. Мне изучать новое дело или заниматься расследованием? Придумайте что-нибудь другое.

Чингиз откинулся на спинку кресла и задумался.

– Кстати, – вдруг поинтересовался он, – кто вы по специальности?

– Журналист.

Его лицо прояснилось.

– Но это же меняет дело! Почему вы сразу не сказали? Будете отвечать за связи с общественностью. В данном качестве вы можете свободно передвигаться по всему зданию,

заходить во все кабинеты, знакомиться с сотрудниками.

Наргиз, подумав, согласно кивнула.

– Это действительно то, что надо.

В дверь постучали, и в кабинет вошла длинноногая секретарша, неся перед собой поднос с двумя чашками кофе, коробкой шоколадных конфет и вазочкой с пирожными.

– Угощайтесь, – предложил Чингиз, придвигая к ней чашку горячего ароматного кофе.

– С удовольствием, – не стала отказываться Наргиз и неожиданно призналась: – Я ужасно голодна и хочу пить. Целый день провела на ВДНХ и с самого утра ни маковой росинки во рту.

– Вставайте, – неожиданно предложил хозяин кабинета, и сам поднялся с места.

– Что? – не поняла Наргиз.

– Идемте, я вас угощаю. Здесь, прямо напротив банка, отличный ресторан.

– Нет-нет, – запротестовала было она, но банкир был настойчив.

Еда в ресторане действительно оказалась превосходной. Наргиз отдала должное и салату из крабов, и обжаренным кусочкам нежного куриного мяса, и аппетитной телятине. Пока она ела, Чингиз рассказывал о работе банка, о тех, кто в нем трудится. Говорил он коротко, сжато.

– Мне нужна более подробная информация.

– Завтра я передам вам личные дела наших сотрудников.

Только, боюсь, вам понадобится целый месяц, чтобы изучить их: в банке, в его отделениях и филиалах работают более трехсот человек.

– Отделения и филиалы банка меня вряд ли заинтересуют, за исключением, естественно, их руководителей. Что касается головного банка, то и здесь после отбора останутся не больше двух десятков человек.

Он с интересом посмотрел на нее.

– И как вы собираетесь производить отбор?

– Об этом мы поговорим завтра.

Возвращаясь к подруге, у которой она остановилась, Наргиз думала о том, в какую авантюру ввязалась. Она не думала браться за это дело, так почему в таком случае не прошла мимо банка, почему поддалась неумемному любопытству? Искать ответа на эти вопросы уже не имело смысла, теперь надо было размышлять над тем, с чего начать поиски.

В восемь часов утра следующего дня она входила в здание банка, но в кабинет его руководителя ей удалось попасть только к одиннадцати часам. Однако она могла себя поздравить: в первое же утро она успела познакомиться и в течение более двух часов беседовать с вице-президентом банка, рослым широкоплечим мужчиной с открытым умным лицом и ярко-синими глазами. Он и провел Наргиз в ее новый кабинет. Комната оказалась миниатюрной, однако в ней уместились и стол из темного дерева, и компьютер на высокой подставке, и узкий длинный шкаф для книг и бумаг.

Наргиз села в кресло, проверила, насколько хорошо оно вращается, провела кончиками пальцев по поверхности стола, на котором успела накопиться пыль, обвела взглядом все маленькое пространство комнаты и проговорила:

– Мне здесь нравится.

Вице-президент банка внимательно следил за каждым ее движением.

– Так значит, вы у нас будете отвечать за связи с общественностью? – проявил он любопытство, садясь напротив нее на единственный стул.

– Кажется, так, – улыбнулась Наргиз.

– Неожиданное назначение. Чингиз Керимович не говорил о том, что принимает на работу новую сотрудницу.

– На то он и руководитель, чтобы единолично принимать такие решения. Не так ли?

– Конечно. В любом случае я рад нашему знакомству. Уверен, мы сработаемся.

– Очень на это надеюсь.

Наргиз с нескрываемым любопытством разглядывала сидящего напротив мужчину. Светло-русые коротко остриженные волосы, прямой открытый взгляд потрясающе красивых глаз такого пронзительно синего цвета, что просто дыхание перехватывает, большой чувственный рот, неторопливые, но уверенные движения – такого трудно в чем-то заподозрить. Если только его внешность, как это, увы, часто случается, не обманчива.

Кончив свой тщательный осмотр, Наргиз попросила:

– Максим Владиславович...

– Можно просто Максим, а еще лучше – Макс.

– Спасибо. Макс, я могу попросить вас о небольшой услуге? – Заметив его легкий кивок, она продолжила: – Покажите мне, пожалуйста, здание банка. Если, конечно, у вас есть время.

– С удовольствием.

Им понадобилось более двух часов, чтобы обойти все здание банка, войти в каждый кабинет, познакомиться с каждым работником, оказавшимся в тот момент на месте. Наргиз обладала феноменальной памятью и к концу «экскурсии» по банку знала всех сотрудников поименно и даже могла бы довольно точно определить, насколько ценен тот или иной из них и какими основными качествами обладает. Своими наблюдениями она, конечно, делиться не стала, но две-три ее реплики дали Володарскому возможность убедиться, что у новой сотрудницы зоркий глаз и острый язык.

Как только Наргиз, поблагодарив своего гида, вернулась в свой кабинет, раздался звонок. Звонил Чингиз.

– Простите, – извинился он, – я был занят с самого утра, но до двух часов я полностью в вашем распоряжении.

Наргиз постаралась максимально использовать три часа, отведенные ей. Она сразу же приступила к делу.

– Вы рассказали о пяти случаях, когда ваши планы становились известны конкурентам. Первый, насколько я помню, был связан с покупкой контрольного пакета акций крупного предприятия, второй – с инвестированием другого крупного предприятия, еще один касался заключения выгодно-го контракта с западными бизнесменами. О двух оставшихся вы ничего не сказали, но, думаю, они также касались предоставления кредитов или чего-то подобного. – Чингиз кивнул головой, и она продолжила: – Полагаю, что круг лиц, имею-

щих доступ к информации о предстоящих операциях, ограничен. Мне нужно знать, кто в каждом конкретном случае мог знать о том, что предстоит та или иная сделка.

Чингиз надолго задумался.

– Некоторые операции, – наконец сказал он, – мы проводили почти одновременно, так что готовить их я поручал разным группам людей.

– Совершенно разным? Может, кто-то входил в две или три группы?

– Нет, это исключено. Я лично распределял обязанности. Но, конечно, в банке есть круг лиц, он очень ограничен, который в курсе я не скажу всех, но почти всех дел банка.

– Это упрощает дело, хотя... Ваши сотрудники наверняка общаются друг с другом, встречаются вне работы. В разговорах между собой они могли упомянуть о том, над чем в данный момент работают. Вы же знаете, как у нас любят на работе говорить о домашних делах, а дома – о работе.

Чингиз нахмурился:

– Наши работники предупреждены о неразглашении всего того, что происходит в банке. Кроме того, каждый раз, когда это необходимо, я предупреждаю сотрудников о конфиденциальности нашего разговора, необходимости работать обособленно и так далее.

– Хорошо, оставим это. Давайте определимся, кто в каждом конкретном случае имел доступ к информации. С учетом того ограниченного круга лиц, о котором вы говорили.

Диктуйте, я буду записывать

Наргиз взяла со стола блокнот, ручку и приготовилась записывать.

– В первом случае это были: Максим Володарский – вице-президент банка (вы с ним, кажется, уже познакомились), главный бухгалтер Нинель Шахова, руководитель кредитного отдела Алексей Лазарев и трое работников его отдела. – Он назвал их фамилии.

– Нинель Шахова... Это сухая чопорная женщина средних лет с неприветливыми блеклыми глазами, крючковатым носом и большой родинкой на щеке?

– Да, – удивился Чингиз. – Вы успели и с ней познакомиться?

– Благодаря Максиму. Он целых три часа водил меня по кабинетам и знакомил со своими коллегами.

– Вы не тратили время зря. Так, значит, Нинель вам не понравилась?

– Я этого не говорила. Просто я не люблю скрытных людей, а Шахова скрытная особа. Одинокая, бездетная, плохо сходится с людьми, но отличный, даже незаменимый работник. Не так ли?

– Мне давно пора перестать удивляться вашей пронительности, но не могу. Уверен, Максим ничего этого вам не говорил.

– Нет, Максим был сама корректность. Ни единого плохого или обидного слова о сотрудиниках, ни одной сплетни.

Давайте дальше. Кто занимался вопросом вложения средств в сталелитейный завод?

– Другой вице-президент – Илья Петренко. Именно он готовил всю документацию. И еще руководитель аналитического отдела Николай Сагайдако и два сотрудника отдела, экономист Иван Шувайлов, руководитель валютного отдела Михаил Бурлаков, опять же главный бухгалтер и Максим – он был в курсе дела.

– Он был просто в курсе, – уточнила Наргиз, – или знал все детали предстоящей операции?

– Это имеет какое-нибудь значение?

– Да, и большое. Потому что человек, работающий на противоположную сторону, должен не понаслышке знать о планах банка, а детально изучить их. Только тогда его информация может заинтересовать тех, кто ему платит.

– Максим не просто мой заместитель. В мое отсутствие он остается за меня на посту президента с правом подписи под всеми документами. Я доверяю ему как себе.

– Значит, он знает обо всем, что происходит в банке?

– Безусловно. Но повторяю: я доверяю ему полностью. Я начинал с ним, я ему многим обязан. Более того – мы с ним большие друзья.

– У вас есть и другой заместитель.

– Илья Павлович Петренко работает у меня только два года. Я знаю его не так давно, мне рекомендовал его хороший знакомый. Он умен, дисциплинирован, может, не такой ком-

муникабельный, как Максим, но любую порученную ему работу выполняет в срок и добросовестно. У него жена, единственный сын, которого он безумно любит.

– Он также в курсе всех ваших дел?

– Нет, но не потому, что я ему не доверяю. Он разрабатывал этот проект и работал еще над двумя другими.

Чингиз продолжал перечислять имена тех, кто причастен к каждому из пяти проектов, а Наргиз вносила их в блокнот. Назвав последнюю фамилию, Чингиз вздохнул облегченно.

– Кажется, все.

Минут пятнадцать Наргиз сравнивала фамилии во всех пяти списках, вычеркивая те из них, которые встречались только в одном или двух из них. Закончив свои манипуляции, она отложила блокнот и ручку и быстро взглянула на хозяина кабинета.

– Только две фамилии встречаются во всех пяти списках.

– И какие же? – подался вперед Чингиз.

– Ваша и Володарского.

Чингиз в изумлении откинулся на спинку кресла.

– Так вы и меня внесли в свои списки подозреваемых?

– Конечно, – очень спокойно ответила она.

– Вы и меня подозреваете?

– Я не должна исключать и этого варианта.

– Вы на самом деле меня подозреваете? – Кажется, он не мог даже допустить такой мысли.

– Нет, не подозреваю, – не очень охотно призналась Нар-

гиз. – Но не потому, что именно вы пригласили меня сюда. В конце концов, банк принадлежит вам, а работать против себя может только сумасшедший. А вы не сумасшедший.

– Спасибо хоть на этом, – усмехнулся Чингиз.

– Но тогда остается только одна фамилия – вашего друга Володарского.

Она заметила, как вздрогнул Чингиз. Его лоб прорезала глубокая морщина, он как-то сразу стал выглядеть старше своих тридцати четырех лет.

– Максим не может быть тем человеком, которого мы ищем. Я готов поверить во все, что угодно, только не в это. Ваш метод исключения очень хорош, но на этот раз, видимо, не сработал.

– Это единственно правильный метод в данном случае, – возразила Наргиз.

– Я, кажется, начну жалеть о том, что пригласил вас, – пробормотал Чингиз, глядя куда-то мимо нее.

– А на что вы надеялись? – неожиданно резко парировала Наргиз. – Что я приведу вам кого-нибудь с улицы и скажу: вот вам, это и есть иуда? Вы и сами прекрасно понимаете, что вас предал кто-то из вашего окружения, и очень близкого. Предают всегда свои, как говорят французы. Так что не надо приходить в ужас каждый раз, когда я буду произносить ту или иную фамилию. Что касается Володарского, я не сказала, что он и есть тот, кого мы ищем. Мне понадобится три или четыре дня, чтобы опровергнуть или подтвердить свои

подозрения.

– А если окажется, что вы не правы? Повторяю, я уверен в этом...

– Тогда я начну все сначала. А пока мне нужно личное дело Володарского.

– Я занесу его вам.

Уже у самой двери кабинета, Наргиз обернулась и сказала:

– Я рада буду ошибиться. Максим совсем не похож на негодяя.

Запершись в кабинете, Наргиз тщательно изучала личное дело Максима Владиславовича Володарского. Тридцать пять лет, холост, образование высшее. Окончил Московский институт управления им. Серго Орджоникидзе. Наргиз знала, что в свое время это было единственное высшее учебное заведение в стране, которое готовило управленческие кадры. Учились в институте в основном дети высокопоставленных лиц, а родители Максима, уроженцы Пскова, были простыми учителями. Значит, учился на «отлично». Так и есть, окончил школу с золотой медалью. После института три года работы в родном Пскове, потом переезд в Москву, открытие собственного дела, банкротство, знакомство с Чингизом, совместный бизнес, создание банка. Не курит, пьет умеренно, азартными играми не увлекается – в общем, дурных привычек нет. Интересно, почему до сих пор не женат? Красивый мужчина, хорошая зарплата, большая трехкомнатная квартира почти в центре Москвы. Seriously занимается спортом – мастер спорта по самбо, кандидат в мастера спорта по шахматам (нужно будет как-нибудь сразиться с ним за шахматной доской), увлекается лыжами, стрельбой.

Наргиз сказала, что ей понадобится три-четыре дня, чтобы разобраться с Максимом, но теперь она боялась, что не управится за столь короткое время. Каким образом она

узнает, предал Максим своего друга или нет? Времени у нее в обрез. За три-четыре дня она должна побывать у Максима дома, как минимум один раз отобедать с ним в кафе или ресторане и просто поболтать на протяжении хотя бы двух-трех часов. Этого, как была уверена Наргиз, будет вполне достаточно, чтобы ответить на вопрос: виновен Максим или нет.

Надо было тщательно продумать план действий. Наргиз откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Через час она уже знала, что будет делать для того, чтобы подтвердить или опровергнуть свои подозрения.

Наргиз знала, что, как иногородняя, должна пройти в Москве регистрацию. Будучи законопослушной гражданкой, она и собиралась это сделать на следующий день после своего приезда, но Марина отговорила.

– Ты потратишь на регистрацию целую неделю, – предупредила подруга, – и еще больше нервов. Легче и дешевле штраф заплатить, если вдруг остановят и потребуют паспорт.

Наргиз послушалась и не стала никуда ходить. Она старалась не привлекать к себе внимания родной милиции. Не ходила поздно одна, особенно в центре города, не таскала больших подозрительных сумок, в руках, как настоящая москвичка, постоянно держала книжку или газету с кроссвордами – впрочем, привычка читать или разгадывать кроссворды в очередях, метро, автобусах и трамваях у нее осталась со студенческих лет. Однако в этот вечер она решила поступить в точности до наоборот. В одиннадцать часов вечера она оказалась возле Большого театра с довольно объемной коробкой в руках. Минут пятнадцать она бесцельно бродила по центру, пока на нее не обратил внимания молоденький лейтенант. Подойдя к ней, он козырнул одной рукой, а другую протянул к ней:

– Ваши документы, пожалуйста.

Она всегда носила паспорт с собой, но на этот раз перед

самым уходом из банка вынула его из сумки и положила в ящик стола. И теперь ей ничего не оставалось, как мило улыбнуться милиционеру.

– Извините, но я забыла документы дома.

– Вы москвичка?

– Нет, приезжая, – не стала скрывать Наргиз.

Лейтенант нахмурился:

– Извините, гражданка, но вам придется пройти в отделение милиции.

Наргиз кивнула, не выказывая ни тревоги, ни испуга.

В отделении милиции она назвала пожилому милиционеру с усталым лицом серовато-землистого цвета свои данные: фамилию, имя, отчество, год и место рождения.

– Сколько времени вы уже в Москве?

– Дней восемь.

– Билет сохранили?

– Да, но он в паспорте.

– Цель приезда?

– Хотела полюбоваться на родную столицу.

– А что в коробке? – Милиционер настороженно кивнул в сторону коробки, обернутой блестящей бумагой и перевязанной красной лентой.

– Подарок малышу, – охотно ответила Наргиз. В подтверждение своих слов под опасливыми взглядами находящихся в кабинете служителей правопорядка она развязала ленту, открыла коробку и продемонстрировала присутствующим

большого плюшевого медвежонка.

Милиционер лениво прощупал игрушку и вернул хозяйке.

– Уберите.

Наргиз вернула мишку в коробку.

– Кто-нибудь может подтвердить, что вы есть вы? – проведя по подбородку усталым движением руки, поинтересовался милиционер.

– Да, конечно. Я могу позвонить?

– Завтра. А пока вас отвезут...

– Нет-нет! – Наргиз не на шутку испугалась: ее затея могла провалиться, и допустить этого было никак нельзя. – Пожалуйста, позвольте мне позвонить. – Она наклонилась к милиционеру и почти шепотом произнесла: – Вы не пожалеете об этом.

В его глазах сверкнул жадный блеск.

– Звоните, – разрешил он.

Она позвонила сначала Марине, но ей никто не ответил. Впрочем, она знала об этом: после одиннадцати подруга всегда отключала телефон, чтобы ее не тревожили. Марина вставала рано, в половине шестого утра: дорога до работы занимала почти два часа, потому и ложилась тоже рано. Следующий звонок был к Чингизу, но не на мобильный телефон, а на работу. Того в банке в это время, естественно, не оказалось. Третий звонок был к Максиму. «Хоть бы он был дома», – твердила она себе. Не то вся ее затея окажется пустой.

Она старалась не думать о том, что, не дозвонись она до него, ей придется остаться здесь, а то и в месте похуже до самого утра. Номер домашнего телефона Володарского она заполучила сразу после обеденного перерыва вместе с его визитной карточкой.

Максим поднял трубку после четвертого гудка.

– Да?

Его голос не был сонным. Значит, она не разбудила его. Тем не менее, она извинилась за поздний звонок.

– Это Наргиз. Ради Бога, извините, что так поздно, но я не знаю, к кому еще обратиться. Я мало кого знаю в Москве. Чингиза Керимовича я найти не смогла, подруги, у которой я остановилась, дома нет. Одна надежда на вас.

– Что случилось? Откуда вы звоните?

– Из отделения милиции. Я забыла паспорт в банке, вот меня и задержали.

– Заплатите им, и вас отпустят.

– Не отпустят. Вы забываете, что я, – Наргиз глубоко вздохнула, – лицо кавказской национальности. Да и денег у меня с собой нет. Кошелек там же, где и паспорт. А те деньги, что были с собой, потратила подруге на подарок. Если не выручите, оставят здесь до утра.

В трубке молчали целую минуту. Нетрудно было догадаться, о чем сейчас думает Максим. Кого обрадует перспектива выбираться из дома почти в час ночи, чтобы вызволять из милиции малознакомую женщину?

– Хорошо, сейчас буду, – раздалось, наконец, на другом конце провода. – Назовите номер отделения.

Максим появился в отделении милиции через полчаса. Чисто выбритый, в свежей рубашке, на светло-сером костюме в мелкую полоску ни единой морщинки. Наргиз не знала, о чем он говорил с капитаном милиции, которого она видела лишь мельком, но ее тут же отпустили. Прихватив с собой коробку, она, не прощаясь, вышла вслед за Максимом. Тот шел быстрым широким шагом и ни разу не обернулся, пока не остановился рядом с новеньким «Мерседесом» темно-бордового цвета.

– Садитесь, я подвезу вас, – предложил он, когда Наргиз догнала его, и открыл дверцу автомобиля.

– Мне далеко, – неуверенно произнесла она

– А разве у вас есть выбор? Метро уже закрыто, а садиться на такси ночью одной я бы вам не советовал.

– Хорошо, – пробормотала Наргиз, садясь на заднее сиденье. – Только я о другом.

– О чем? – Он непонимающе глянул на нее.

– Я не знаю, куда ехать.

– То есть, как не знаете?

– Не то чтобы совсем не знаю. Я добираюсь до подруги на метро: последний вагон электропоезда до станции Каширская, оттуда на автобусе ровно тринадцать остановок, а потом пешочком. Точного адреса я не знаю, запомнила дорогу чисто механически, да и то после десятого раза. У меня

очень плохо с ориентацией: топографический идиотизм с самого детства.

Она допустила только одну маленькую ложь: она знала адрес подруги, но в остальном говорила правду.

– И что нам теперь делать? Ехать до Каширки, определять, где останавливается последний вагон и в какую сторону ехать, а потом отсчитывать остановки?

– Если вас не пугает перспектива полночи искать дом, в котором живет моя подруга, то давайте, трогайтесь.

С минуту Максим при свете уличного фонаря рассматривал безмятежное лицо Наргиз, потом глубоко вздохнул:

– Я знал, что от вас будут одни неприятности.

«Мерседес» плавно тронулся с места. Когда они проезжали по Кутузовскому проспекту, Максим заговорил вновь:

– Ваш муж не будет против, если вы переночуете у меня? Надеюсь, он не заявится завтра утром и не перережет мне горло?

– Не пугайтесь, у меня нет мужа.

– Уже легче. Я должен был догадаться, что у такой независимой особы, как вы, не может быть мужа.

Голос Наргиз, когда она заговорила, прозвучал так же насмешливо, как и голос ее спутника:

– Я должна оскорбиться?

– Ни в коем случае. Это скорее комплимент.

– В таком случае не вполне заслуженный. Я была замужем.

– Вот как! И надолго его хватило?

– На три года.

– Не мало.

– Да, особенно если учесть, что за эти три года успели родиться двое детей.

Максим не скрывал изумления, он так резко обернулся к ней, что едва не въехал на обочину.

– У вас есть дети? Сколько же вам лет?

Наргиз громко рассмеялась.

– Больше, чем вы думаете. Мне уже двадцать восемь. Но я нисколько не удивляюсь вашему удивлению. Я сама до сих пор поражаюсь этому, никак не могу привыкнуть к мысли, что у меня есть дочка и сын, которым уже пять с половиной и четыре годика.

– А я достиг тридцати шести лет, и у меня нет ни жены, ни детей.

– Вы говорите об этом с сожалением.

Он не ответил – не захотел или не успел: они подъехали к красивому шестиэтажному дому, построенному еще в сталинские времена. Загнав машину в гараж, они пешком поднялись на четвертый этаж.

Квартира, в которой жил Максим, поразила ее. Она уже имела некоторое представление о нем, и это ее представление никак не вязалось с тем, что она увидела. Войдя вслед за Максимом в гостиную, она невольно остановилась у порога. Перед ней была неприлично большая комната, в которой доминировали белый и черный цвета, стекло и пластик.

Белые стены украшали картины с черными квадратами, треугольниками, параллельными линиями и непонятными черными кляксами. С потолка свисал большой белый полупрозрачный шар, словно сотканный из паутины. Черно-белая кожаная мебель, светильники причудливой формы, на высоких окнах бархатные занавески цвета ночи, а на полу удивительно белоснежный пушистый ковер. Здесь, несомненно, хорошо поработал дизайнер.

– Нравится? – полюбопытствовал Максим, заметив, какое впечатление на нее произвела эта огромная комната.

– Нет, – очень медленно проговорила Наргиз.

– Разве? – Он усомнился в ее искренности. – А мне показалось, она произвела на вас впечатление.

– Не отрицаю, очень стильно, элегантно, но это не вы.

– Как это?

– Вы наверняка слышали, что по внешнему виду и внутреннему убранству жилья можно с большой точностью судить о характере его хозяина. Судя по этой комнате, ее хозяин молодой преуспевающий мужчина, самоуверенный, высокомерный, эгоистичный, прислушивающийся только к собственным желаниям и страстям. Сибарит, гурман, эстет.

– Вы хотите сказать, что я не такой.

– Нет, не такой.

Он вдруг весело засмеялся. Подвел гостью к высокой двери в другом конце коридора, открыл ее и спросил:

– Я вот такой. Правда?

Комната значительно меньших размеров, чем гостиная, была выдержана в нежных пастельных тонах и дышала уютом. Напротив окон, перед красивым камином, стояли широкий диван, обитый золотистой кожей, и два кресла. Обивка мебели чудесно гармонировала с диванными подушками и резьбой, украшающей камин. Толстый персидский ковер на полу покрывал паркетный пол, а завершал общую картину небольшой квадратный стол в углу комнаты.

– Да, правда, на сей раз это вы.

– Вы предпочитаете остаться в этой комнате или в зале?

– У вас есть еще одна комната, – напомнила Наргиз.

Он пристально посмотрел на нее.

– Откуда вам это известно? Вы ведь у меня в первый раз.

Наргиз не растерялась. Она заметила свою оплошность, но продолжала говорить спокойным голосом:

– Я заметила еще одну дверь, когда шла по коридору. Она слева и не может вести ни на кухню, ни в ванную, ни в туалет. Они, насколько я знаю, в таких домах находятся подальше от гостиной и спальни.

– А вы часто бывали в таких домах? – сомнение все еще звучало в его голосе.

– Я жила в таком же доме, когда училась в университете, только на Ленинском проспекте.

Наргиз говорила правду. Она действительно больше года снимала комнату у пожилой вдовы известного академика.

Квартира была так же трехкомнатной, и расположение комнат аналогичным.

– Вы окончили МГУ? – догадался Максим.

Наргиз кивнула.

– Факультет журналистики.

– Поступить на этот факультет всегда было непросто.

«Не более чем поступить на факультет городского хозяйства института управления», – хотела сказать Наргиз, но промолчала.

– Мне просто повезло.

– Вы скромны.

– Вы считаете это достоинством?

– А вы нет? – вопросом на вопрос ответил Максим.

– Далеко не всегда. Чаще проявление скромности есть не что иное, как скрытое, завуалированное желание получить похвалу. Ах, вы так скромны, так застенчивы!

– Надеюсь, это не про вас?

– Нет, не про меня.

– Я могу продолжить свои расспросы?

– Смотря о чем. Впрочем, я отвечу на все: как-никак вы сегодня выступили в роли моего спасителя.

– Ловлю вас на слове. Кстати, если хотите, можете воспользоваться ванной комнатой, а я пока приготовлю кофе.

Когда Наргиз вышла из ванной, кофе был готов и разлит по чашкам.

– Присаживайтесь.

Она села на предложенный стул и жадно отпила горячую ароматную жидкость.

– Очень вкусный. У меня такой не получается.

– Я вас научу. Хотите?

– Конечно.

– Что ж, у нас впереди много времени. Кстати, вы надолго в Москву?

– Еще не знаю. Это зависит от Чингиза и ... – от того дела, который мне поручили, чуть не сказала она.

– И... – подтолкнул Максим.

– От моего желания, – быстро нашлась Наргиз.

– Ваши дети здесь, с вами?

– Нет, они остались дома, в маленьком, богом забытом городке.

– Как же после МГУ вы оказались так далеко от столицы?

– Я бы охотно осталась в Москве, тем более что меня приглашали работать в «Московский комсомолец», но родители... Они как раз тяжело болели – сказывался возраст, и я не могла оставить их одних. Потом замужество, дети. Москва, казалось, осталась в далеком прошлом. Но после семи лет вдруг подумала: если не сейчас, то навсегда застряну в этом болоте. И вот я здесь.

Максим слушал с искренним вниманием. Когда она замолчала, он задал следующий вопрос:

– Вы давно знакомы с Чингизом? Он ваш родственник?

– Нет, мы познакомились несколько дней назад в поезде,

когда ехали в Москву.

Максим озадаченно посмотрел на свою гостью.

– И он так сразу пригласил вас работать в свой банк? Не очень на него похоже. Обычно он предварительно наводит справки, изучает рекомендации и, пока не узнает всю подноготную человека, ни о каком приеме на работу не может быть и речи.

– Вы считаете, что такой подход всегда оправдывает себя?

– Что вы хотите сказать?

– Что никакие рекомендации, никакие досье, личные дела не заменят живого общения с человеком. Твои бумаги могут быть в идеальном порядке, но очень скоро окажется, что нутро у тебя гнилое, что доверять тебе нельзя и что ты готов за три серебряника предать кого угодно, включая своего благодетеля.

Наргиз говорила тихим ровным голосом, лениво попивая кофе. Максим вряд ли мог заподозрить, что она зорко следит за ним из-под полуопущенных ресниц, отмечая про себя, как меняется выражение его лица, глаз. Кажется, ее слова произвели на него впечатление. Он стал задумчив, рассеян.

– Вы согласны со мной? – она подняла на него глаза.

– Да-да, – не сразу ответил он.

– Впрочем, можно с человеком и пуд соли съесть и так не узнать о нем ничего: не узнать, что он способен предать тебя, твою дружбу, доверие. Потом наступает разочарование – но, увы, чаще всего тогда, когда ни изменить, ни по-

править ничего уже нельзя.

– Вы говорите так, словно сами часто разочаровывались в жизни.

– Представьте себе, ни разу.

Он недоверчиво посмотрел на нее.

– Разве такое возможно? Поделитесь, как это у вас получается?

– Просто я изначально знаю, что можно ожидать от того или иного человека. Потом – рано или поздно – наступает момент, когда я убеждаюсь, что была права.

– Вам можно только позавидовать. Вы обладаете редкой способностью разбираться в людях. Вы изучали психологию?

– Совсем немного. Здесь скорее важна интуиция. А вам, – в свою очередь, спросила Наргиз, – часто приходилось испытывать разочарование?

– Чаще, чем этого хотелось бы, – уклончиво ответил Максим.

– В любом случае у вас есть друг, на которого вы всегда можете полагаться, которому вы можете верить до конца.

Он удивленно вскинул на нее глаза:

– О ком вы?

– Как о ком? – теперь пришла очередь удивляться Наргиз. – Конечно, о Чингизе. По крайней мере, о вас он говорил именно так.

– Мне бы очень хотелось в это верить, – пробормотал

Максим и поднялся из-за стола.

«Что бы это значило?» – думала Наргиз, ворочаясь часом позже в мягкой постели. Она считала, что визит к Максиму и беседа с ним разъяснят многое. На самом деле все еще более запуталось. Единственный вывод, к которому она пока пришла: Максим не доверяет Чингизу. Интересно, почему? И это в то время, когда сам Чингиз безоговорочно верит другу, мысли не допуская, что тот может его предать. Или это только слова? Но какой резон Чингизу обманывать ее? Он мог бы прямо сказать, что подозревает своего друга и одновременно заместителя, но не сделал этого. Более того, она не заметила, чтобы он подталкивал ее к этой мысли. Нисколько. Он дал ей ясно понять, что Максим вне подозрений. А вот тот так не думает. В чем же он подозревает своего босса и друга? Наргиз заснула, так и не ответив на этот вопрос.

Она проснулась, чуть забрезжил рассвет. Прибрала постель, приняла душ, заварила и выпила чай, а потом вышла на широкий балкон, где с восторгом обнаружила большое кресло-качалку. Удобно устроившись в нем, она закрыла глаза и задумалась. Здесь ее и обнаружил Максим.

– Если бы не ваша коробочка с медвежонком, я подумал бы, что вы ушли. Вы всегда так рано встаете?

Она открыла глаза. Максим стоял, прислонившись спиной к двери, и пристально ее разглядывал. На нем была светлая рубашка с короткими рукавами, большое махровое полотенце небрежно перекинуто через плечо.

– Я мало сплю, – буркнула она, не очень довольная подобным осмотром. – Три, максимум четыре часа.

– Вы не перестаете меня удивлять. Вам достаточно трех часов для сна?

– Я не сказала, что достаточно. Мне просто жалко времени на сон. Его можно потратить с большей пользой.

– И что вы делаете, когда не спите?

– Думаю, размышляю.

– Над чем, если не секрет, вы думали сейчас? – В его голосе не было насмешки. Он на самом деле хотел знать, о чем думает эта молодая женщина с загадочными темно-вишневыми глазами.

– Я решала одну любопытную головоломку.

– Вам удалось ее разгадать?

– Кажется, да.

– Не расскажете?

– Только не сейчас. Но, думаю, очень скоро вы все узнаете.

– Вы меня заинтриговали. И теперь я не успокоюсь, пока не узнаю, что же вы скрываете.

– Отлично! По крайней мере, в ближайшие часы скука вам не грозит.

– С вами вообще не соскучишься.

– Принимаю это за комплимент. – Наргиз обворожительно улыбнулась и поднялась с кресла. – Вы подвезете меня до банка?

– Конечно, не то вы опять влипните в какую-нибудь исто-

рию.

Кажется, она поняла, в чем дело. Разгадка оказалась проста. Удивительно, что она сразу не пришла ей в голову. Если президент банка после третьей неудачи в делах догадался, что они связаны с утечкой информации, то об этом должен был догадаться и его заместитель, который в курсе всех планов банка. Но почему Чингиз, если он полностью доверяет Максиму, не сказал ему о своих подозрениях? И, наоборот, почему Максим не поделился своими догадками с Чингизом? Ответ на последний вопрос она знала: Максим, в отличие от своего босса, не доверял ему. И снова вопрос: почему? Сколько Наргиз ни думала, она не могла поверить, что Чингиз ведет двойную игру. Не может он быть заинтересован в крахе своего банка. И все же что-то здесь кроется. Что именно – ей и следует в первую очередь выяснить.

Они подъехали к зданию банка одновременно: серебристый «Лексус» президента банка и темно-бордовый «Мерседес» его заместителя. Несколько секунд Чингиз стоял как вкопанный, наблюдая за тем, как Наргиз выходит из автомобиля его друга. Она чуть не рассмеялась: до того забавным было выражение его лица. Но банкир быстро пришел в себя, и мужчины обменялись крепким рукопожатием. Она кивнула: «Доброе утро!», и первой вошла в услужливо распахнутую дверь.

В десять часов Наргиз позвонила президенту банка и попросила принять ее. Через пять минут она сидела в его кабинете и терпеливо ждала, когда он закончит разговор по телефону. Договорившись с кем-то о встрече, он опустил трубку на рычаг и насмешливо взглянул на свою новую сотрудницу.

– Вы, я вижу, не теряли времени зря.

Голос Наргиз, когда она отвечала, звучал столь же насмешливо:

– А вы бы хотели, чтобы я тратила его понапрасну?

– Нет, конечно, нет.

– Вот и поговорим.

– О чем?

– О вас и Максиме, а сначала о ваших конкурентах. Кто они? Что случилось между вами? В общем, что вы не поделили?

Чингиз откинулся на спинку сиденья и прищурил глаза.

– Врагов надо знать в лицо. Не так ли?

– Верно. – Наргиз удобно расположилась в кресле и приготовилась слушать.

– Когда я говорил о конкурентах, то в первую очередь имел в виду банк «Кристалл». Руководит им некий Руслан Машеров. «Кристалл-банк» по всем показателям такой же, как и наш. Я имею в виду уставной капитал, оборот денежных средств, численность вкладчиков и так далее. Наши банки созданы почти одновременно, у каждого из нас за спиной стоят определенные силы, заинтересованные в развитии

и процветании банка. Я не стану уверять вас в том, что мы не занимаемся грязными делами, отмыванием денег и тому подобным. Вы ведь все равно мне не поверите. Просто вспомните, что вы сами мне говорили в поезде. Я стараюсь оставаться честным и порядочным, насколько это возможно в большом бизнесе.

– Вы оправдываетесь?

– Нет.

– Тогда оставим это. Что вы скажете о Машерове?

– Он из бывших партийных работников, отсидел в начале восьмидесятых пять лет в тюрьме за крупную взятку, но смог потом полностью реабилитироваться. У него хорошие связи как среди политиков, так и среди уголовников. Умен, хитер, беспринципен, когда захочет, может быть очень убедительным.

– А вы хорошо его знаете.

Чингиз неопределенно пожал плечами.

– Вы ведь когда-то поддерживали с ним тесные отношения. Что же случилось потом? – Наргиз спросила это наугад, но, кажется, попала в десятку.

– Откуда вы это знаете? Вам сказал Макс?

– Нет, не Макс. Я просто догадалась.

Чингиз подался вперед и вперил в Наргиз тяжелый взгляд.

– Вы не могли догадаться просто так. Что вам рассказал Макс? – повторил он.

– Вам придется мне поверить.

Чингиз встал с места, прошелся несколько раз по кабинету, потом приблизился к Наргиз вплотную, наклонился к ней и резко потребовал:

– Говорите!

В ответ было только молчание.

– Я жду.

Наргиз тоже поднялась и, глядя прямо в глаза хозяина кабинета, отчеканила:

– Если вы будете говорить со мной в таком тоне, вы больше меня не увидите.

Она сделала движение, чтобы уйти, но Чингиз удержал ее.

– Простите, я не хотел быть с вами резок. Простите, – повторил он.

– Вот это уже лучше, – пробормотала она, усаживаясь вновь.

Чингиз тоже вернулся на место. Он выглядел усталым и встревоженным, однако она не собиралась щадить его.

– Знаете, что вчера мне показалось подозрительным в ваших словах? Вы все время повторяли, как доверяете Максиму и какие вы с ним большие друзья.

– По-вашему, я был неискренен?

– Я бы так не думала, если бы в тот момент Максим находился с вами рядом и ему было известно, для чего вы меня приняли на работу, – жестко проговорила она.

Чингиз нервно провел рукой по волосам.

– Последнее время Максим выглядит чем-то обеспоко-

енным, удрученным, избегает меня, даже перестал заходить в мой кабинет. Я не могу понять, что случилось.

– И тогда вы связали это с тем, что происходит в банке?

– Нет.

Поймав ее недоверчивый взгляд, он вновь повторил твердым голосом:

– Нет. Максим слишком ненавидит Машерова, чтобы иметь с ним какие-нибудь дела.

– Что между ними произошло?

– Вы читали личное дело Максима и должны были обратить внимание на то, что в начале девяностых он имел собственное дело, но обанкротился.

– Да, это было до встречи с вами.

– Тем банкротством он обязан Машерову. Тот в одно время занимался посреднической деятельностью, и однажды поставил Максиму крупную партию некачественных продуктов. Максим, конечно, ничего не знал и успел реализовать часть товара. Были случаи отравления, к счастью, без летального исхода. Максима чуть не привлекли к уголовной ответственности. Ему пришлось продать все, что можно, чтобы расплатиться за оставшуюся часть товара, который к тому времени был конфискован, а также заплатить за лечение пострадавших и компенсировать им моральный и физический ущерб. В общем, Максиму досталось, а Машеров не только вышел сухим из воды, но и заработал на этом деле не одну сотню тысяч долларов.

– Тогда вы и познакомились?

– Да, я помог Максиму урегулировать его дела с милицией и расплатиться с частью долгов.

– Значит, Максим ваш должник? Вот почему вы в нем так уверены?

– Иногда вы бываете очень циничны, – сухо проговорил Чингиз. – Нет, он больше ничего мне не должен. Он давно рассчитался со мной.

– Вы сталкивались еще раз с Машеровым?

– Да, он предложил мне объединить наши капиталы и создать совместный банк. Один крупный банк, по его мнению, лучше двух средних.

– Однако вы не согласились с ним?

– А вы бы согласились? Он и потом несколько раз подкапывал ко мне с тем же предложением. В последний раз – совсем недавно, месяца два назад. Он вел себя очень уверенно, был весел, даже добродушен, как бы вскользь упомянул о наших неудачах и громогласно – о своих победах.

– Это была случайная встреча или вы заранее договорились?

– Меня пригласил Машеров. Позвонил и сказал, что у него есть информация, которая может меня заинтересовать. Когда я ответил, что меня не интересует его фикс-идея объединить наши банки, он начал уверять, что давно выкинул эту идею из головы, что у него есть куда более интересное предложение.

– Оно действительно оказалось таковым?

– Никакого нового предложения не последовало, и никакой интересной информацией он со мной не поделился. Просто хотел продемонстрировать свои успехи, свои силы и возможности. Я застал его в окружении известных политиков, бизнесменов, представителей силовых структур. Только разговор у нас не получился.

– Вы рассказывали об этом Максусу?

Он покачал головой.

– Я как раз начал замечать в нем перемены, о которых говорил.

– И вы даже сейчас не поняли, чем они вызваны?

Он вскинул на нее быстрый пристальный взгляд:

– Если вы знаете... Если Макс вам что-нибудь говорил...

Наргиз, не сдержавшись, с такой силой стукнула кулаком по столу, что чашка с остывшим кофе опрокинулась, и темно-коричневая жидкость медленно потекла по гладкой поверхности стола.

– Черт побери, да ничего он мне не говорил! А вот вам бы стоило с ним поговорить. Неужели вы не поняли, что он вас, именно вас, подозревал в том, что вы хотите отдать свой банк со всеми потрохами его давнему недругу, договорившись с ним о совместном бизнесе?

– Что?! – Чингиз был как громом поражен. – Как он мог такое подумать?

– А что ему оставалось? Думаете, что он так глуп и не до-

гадался о том, что в банке происходит утечка информации? Да нет, догадался. И понял, что причастным к этому может только тот, кто имеет доступ к этой информации. Но полной информацией обладали только двое: вы и он. А так как он не мог подозревать себя, то оставались вы. И то, что вы избегали его, не были с ним откровенны, как раньше, только подтверждало его мысль.

– Чушь какая! – пробормотал Чингиз, вытирая со лба выступивший пот. – Да я ему всю физиономию раскрашу за такие мысли.

– Оба вы хороши, – проворчала Наргиз. – Напортачили тут.

– Да уж, – тихо засмеялся Чингиз.

Она заметила, как просветлело его лицо. Кажется, он даже позабыл о том, что человек, которого они ищут, не найден и они по-прежнему далеки от разгадки. Должно быть, то обстоятельство, что теперь нет никаких неясностей с Максом, для него важнее. Что ж, если так, то это характеризует Чингиза не с самой худшей стороны.

Занятая своими мыслями, она не заметила, как Чингиз вскочил с места, стремительно подошел к ней, наклонился и расцеловал ее в обе щеки.

– Спасибо вам.

Он улыбнулся одними глазами и вышел из кабинета, а Наргиз осталась, думая о том, что, если даже не справится с заданием, одна мысль, что она способствовала сохранению

дружбы двух людей, будет долго тешить ее самолюбие.

Наргиз увиделась с двумя друзьями ближе к обеду. Кажется, они успели объясниться: оба выглядели довольными и счастливыми.

– Так значит, вы наш новый детектив? – Максим, широко улыбаясь, шагнул ей навстречу и протянул руку. – Я начну вас бояться. Признайтесь, вчерашняя история с милицией была задумана вами заранее.

– Признаюсь. Мне надо было как-то попасть к вам домой и поговорить с вами. Я считаю, что у себя в доме человек раскрывается несколько иначе и полнее чем где-либо.

– Я мысленно прокрутил весь наш разговор, но так и не понял, как вы пришли к своим выводам. Вроде бы я не сказал ничего такого, что подтолкнуло бы вас на мысль о моей виновности или невиновности.

– Это трудно объяснить. Никакой логики в моих умозаключениях не было.

– А я только что убеждал Макса в том, что у вас железная логика, – вмешался в разговор Чингиз.

– Вы преувеличиваете мои способности. Давайте не будем о них. У нас есть разговор важнее. Надеюсь, вы не забыли о том, что нам, точнее мне, предстоит еще выявить уродов в вашем семействе?

– Урода, – поправил Чингиз.

– Ошибаетесь. Вам не приходило в голову, что вашим конкурентам удалось подкупить не одного, а, как минимум, двух ваших сотрудников? Только так можно объяснить, почему им становился известен каждый предпринимаемый вами шаг, хотя обо всех вместе знали только вы двое.

Эта мысль явно не приходила в голову ни одному из них, и теперь Наргиз явственно читала на их лицах растерянность.

– Я с трудом согласился с мыслью, что в нашем коллективе есть одна паршивая овца, а вы говорите сразу о двух.

– Я не вижу другого объяснения, – повторила она. – Поэтому мне нужно ознакомиться с личными делами одиннадцати ваших сотрудников. – Наргиз передала президенту банка список, написанный от руки мелким убористым почерком. – Вот этих.

Вернувшись в свой кабинет и получив вскоре личные дела, которые она запросила, Наргиз принялась тщательно их изучать и анализировать. На это у нее ушло два дня. Следующие два дня она бесцельно бродила по всему зданию банка, не зная, за что зацепиться. Ничего интересного в личных делах тех, кто подпал под подозрение, не было. Одни сухие факты. Ничего криминального, ничего порочащего.

Было одиннадцать часов, когда Наргиз зашла в приемную президента банка. Секретарша приветствовала ее дружеской улыбкой. За эти дни Наргиз успела поближе познакомиться с ней. Длинноногая красавица была смешлива, люби-

ла поговорить и посплетничать. За шесть дней Наргиз узнала от нее столько любопытного о сотрудниках банка, сколько при других обстоятельствах не узнала бы и за полгода. Кажется, не было в их жизни ничего такого, что могло бы укрыться от зоркого глаза Наташи. Вот и теперь, стоило Нинель Шаховой появиться в приемной и исчезнуть за начальственной дверью, как она наклонилась к Наргиз и заговорщически произнесла:

– С нашим «синим чулком» последнее время что-то происходит. Смотри, она сменила прическу. Не удивлюсь, если окажется, что она в первый раз в жизни побывала в парикмахерской, – съязвила Наташа. – Помнишь, какие жуткие волосы у нее были?

Наргиз покачала головой.

– Ах да, ты не можешь этого помнить, ты ведь работаешь у нас всего шесть дней. А ногти? Представляешь, она сделала маникюр. И одежда. Обычно она одевается во что-то серое и бесформенное – и где только она покупает эти платья? – а в последнее время приделась. Сегодня она в приталенном костюме. Я и не знала, что у нее есть талия.

Если поначалу Наргиз слушала в пол-уха – она терпеть не могла сплетен, – то постепенно заинтересовалась ее рассказом.

– И давно ты заметила в ней эти перемены? – стараясь скрыть интерес, равнодушным тоном спросила она.

– Месяца три, если не ошибаюсь.

– А что, раньше с ней ничего подобного не случилось?

– Не припоминаю. А вот сейчас с ней явно что-то происходит. Она позвонила утром и попросила устроить ей встречу с боссом пораньше. Обычно она заходит к нему к двум часам дня, но сегодня предупредила, что после обеда задержится. Интересно, куда это она собралась?

Наргиз пожалала плечами.

– Трудно сказать. Шахова кажется очень скрытной особой. Поди разберись, что творится в ее душе. А как ты думаешь, что с ней происходит?

– Если бы я не знала ее хорошо, то подумала бы, что она влюбилась.

Наргиз быстро поднялась.

– Ну да ладно с Нинель. Я пойду.

– А разве ты не хотела зайти к боссу?

– Приду попозже. Сейчас у него и без меня посетителей хватает.

Наргиз вернулась в свой кабинет, прихватила сумочку, заперла дверь на ключ и вышла в коридор. Кабинет, который занимала Нинель, находился на третьем этаже. Она спустилась на один этаж и встала так, чтобы не выпустить из виду Шахову, когда та войдет, а потом покинет свой кабинет. Нинель появилась в коридоре минут через десять. В кабинете она задержалась ненадолго. Дверь открылась буквально через пару минут. Не глядя по сторонам, женщина быстрым шагом спустилась вниз и заспешила к остановке такси. Нар-

гиз шла за ней, стараясь оставаться незамеченной и в то же время не терять ее из виду. Вслед за Нинель она остановила такси и попросила водителя следовать за бежевými «Жигулями». Тот с подозрением посмотрел на темноволосую пассажирку и неохотно сдвинулся с места. Через сорок минут такси, в котором ехала Нинель, остановилось возле японского ресторана у метро «Октябрьская». Наргиз подождала, когда та войдет в ресторан, и только потом, нацепив на нос темные солнцезащитные очки, закрывавшие пол-лица, вошла следом.

В небольшом уютном зале ресторана посетителей в этот час было немного. Наргиз села у окна спиной к свету так, чтобы видеть весь зал, а самой остаться незамеченной. Нинель она увидела сразу. Та сидела боком к ней, а напротив нее расположился поразительно красивый юноша. Светлые длинные волосы, выющиеся от природы, синие, как море, глаза, нежная, как у девушки кожа, ямочка на подбородке, стройное и сильное тело – он привлекал к себе внимание всех сидящих в зале женщин.

Наргиз не слышала, о чем они говорят. До нее долетали лишь обрывки фраз. Выражение лица Шаховой невозможно было описать. В нем отразились и любовь, и нежность, и затаянная боль. Оно было мягким и трогательным. Открыв сумочку, она извлекла из нее маленькую бархатную коробку и со счастливой и вместе с тем застенчивой улыбкой протянула юноше. Тот нетерпеливо раскрыл ее и с минуту разгля-

дывал то, что в ней лежит. Со своего места Наргиз не видела, что находится в коробочке, но заметила, как заблестели его глаза. Внезапно он нахмурился, попытался вернуть коробку, начал что-то объяснять Шаховой, однако, в конце концов, выслушав ее возражения, спрятал коробочку в карман брюк. Они просидели вместе чуть более часа, потом Нинель встала, наклонилась к юноше, что-то прошептала ему на ухо, ласково взлохматила белокурые волосы и вышла. Юноша остался сидеть, лениво ковыряя палочками по тарелке.

Наргиз следила за ним, не сводя глаз и не особенно скрываясь. Очень скоро юноша почувствовал на себе чужой взгляд и повернулся в ее сторону. Они встретились глазами, и Наргиз поманила его пальцем. Чуть поколебавшись, тот поднялся и направился в ее сторону. Она молча указала на стул рядом с собой, он сел, мило улыбнулся и проговорил глубоким бархатным голосом:

– Вы так пристально меня разглядывали.

– Думаю, вы должны были давно привыкнуть к подобным взглядам.

Он промолчал, только брезгливо поморщился.

– Вы о чем-то хотели меня спросить?

– Нет. Просто я подумала, что такой красивый юноша не должен сидеть за столом один или в компании скучной и занудливой старой мамыши.

Она заметила, как его передернуло при этих словах.

– Она мне не мамаша.

– Можно было не признаваться. Это и дураку ясно. Не хотела вас смущать.

Юноша высокомерно вскинул голову.

– А почему я должен смущаться?

– Действительно, почему? – охотно согласилась Наргиз. – Сегодня нет ничего постыдного в том, чтобы быть альфонсом.

В ее тоне не было ни намека на иронию, однако ее слова задели парня.

– А вы, конечно, осуждаете?

– Нет, что вы. – Она говорила искренне. – Я придерживаюсь принципа: не судите и не судимы будете. Какое право я имею вас осуждать?

Кажется, он успокоился.

– Вам заказать что-нибудь? Составьте мне, пожалуйста, компанию.

– С удовольствием. – Юноша подозвал официанта и сделал заказ, а потом представился своей новой знакомой: – Данила.

– Красивое имя. Старинное и редкое. Сейчас все больше Алеш и Саш.

– А как зовут вас?

– Наргиз.

– Тоже красивое имя, – вернул ей комплимент Данила. – Кажется, так звали какую-то восточную актрису.

– Она из Индии и играла еще в старых фильмах. Моя мама

поклонница индийского кино и назвала меня в ее честь.

За едой Данила разговорился, проклинал наступившие времена, говорил о желании уехать за границу.

– Попробуй, поживи здесь. Зарплаты на проезд в метро не хватит. Вот и приходится дурить головы разным старухам. Они готовы последнее отдать, только бы еще немного почувствовать себя молодыми.

– Ты бы со своей внешностью мог и лучше занятие найти, – не выдержала Наргиз, переходя с ним на «ты». – К примеру, стать фотомodelью или манекенщиком.

– Все-таки осуждаете, – вновь обозлился юноша.

– Да нет, просто жаль тебя. Не очень-то, наверное, приятно ублажать выживших из ума старух.

– Вы думаете, модели много получают? Кстати, я работал одно время у Юдашкина. Ничего хорошего. Работа каторжная, платят гроши.

– А молодому человеку твоей наружности нужны деньги, много денег. Женщины, дорогие рестораны, приличная одежда, развлечения, азартные игры...

Наргиз заметила, как при последних словах легкое облачко пробежало по лицу юноши. Ах, вот как! Он, оказывается, к тому же и игрок! Ну что ж, посмотрим, что дальше.

– Ты считаешь, что только вам, мужчинам, трудно в этой жизни? Думаете, нам легче? Нас, женщин, одолевают те же страсти, что и вас. Тоже хочется расслабиться, поразмяться, отдохнуть. Одно огорчает – потом приходится дорого рас-

плачиваться за то, что отпустил тормоза. Но тут уж ничего не поделаешь. Однажды я проигралась в пух и прах. Двести тысяч, представляешь! – вдохновенно фантазировала Наргиз.

– Рублей?

– Шутишь? Долларов.

Данила даже присвистнул от удивления:

– Долларов?!

– Много, правда? Я вступила тогда в полосу невезения.

Это, знаешь, как в анекдоте: в жизни бывают белые и черные полосы.

– В каком анекдоте?

– Не слышал? Хочешь, расскажу? Встречаются двое старых друзей. Один другому: «Как живешь?» «Да вот, – говорит тот, – купил жене черный „мерс“, а ей цвет не нравится, соорудил бассейн с голубым кафелем, ей опять цвет не по душе. Никакой жизни. А ты как?» «Плохо. Жена ушла, с работы уволили, машину угнали, дом ограбили». «Да ничего, – успокаивает его друг, – в жизни бывают белые и черные полосы». Проходит время, и один из них звонит другому: «Помнишь, ты говорил про белые и черные полосы?» «Помню». «Так вот, та была белая полоса».

Данила расхохотался, потом посерьезнел и спросил:

– Как же вы вышли из положения?

– Пришлось продать трехкомнатную квартиру в самом центре Москвы, машину, дачу, – на ходу сочинила Наргиз. –

Целых два года расплачивалась с долгами. Проценты накрутили дай Боже. Зато после все воздалось сторицей. Я опять рискнула и вернула себе и квартиру, и машину, и еще кучу денег.

У Данилы заблестели глаза.

– Вот и я прошу Михаила дать мне шанс. Я смогу отыгаться.

– У тебя большие долги?

– Не то что бы очень, только сейчас я на мели.

– А знакомая, что была здесь полчаса назад, помочь не может?

– Она уже помогла. Если бы не она, не знаю, как выпутался бы из всей этой истории. Она обещала дать еще денег, но попросила подождать.

– Богатая баба, наверное?

– Она в каком-то банке работает.

– Менеджер?

– Не знаю, но платят там неплохо, судя по тому, что в первый раз она заплатила за меня тридцать тысяч долларов.

– Значит, был и второй раз? – небрежно спросила она.

– Да, когда я проиграл в казино сорок шесть тысяч долларов.

– А ты крупно играешь.

– Я не хотел играть в тот день, чувствовал, что проиграюсь в пух и прах. – Данила нахмурился, воспоминания были не из приятных. – Это Антон и его девица... В общем, они

умеют сделать так, что последние штаны снимешь, лишь бы играть еще и еще.

– Не мне об этом рассказывать. Я знаю, как это делается. После того как я избавилась от долгов и поправила свои дела, зареклась больше не играть. Пока это у меня получается.

– И чем вы сейчас занимаетесь?

– Являюсь консультантом в одной фирме.

– За это много платят?

– Достаточно, чтобы позволить себе мелкие шалости.

Наргиз шаловливо улыбнулась, Данила понимающе улыбнулся в ответ.

– Дашь мне свой номер телефона?

Данила кивнул, вынул из кармана записную книжку, что-то быстро в нее записал, оторвал листочек и протянул Наргиз.

– А я могу узнать ваш номер телефона?

– Я позвоню сама.

Наргиз расплатилась с официантом за обед, на что у нее ушло почти все содержимое кошелька, попрощалась с Данилой и направилась к выходу. Юноша проводил ее долгим взглядом.

Из японского ресторана Наргиз направилась в Центральный парк культуры и отдыха. Когда-то это было ее излюбленное место прогулок. За последние годы здесь многое изменилось. Да, цветной музыкальный фонтан остался на месте, были на месте и пруд, и кафе, где она любила переку-

ситель. Но сейчас парк больше напоминал один большой аттракцион. Наргиз стало грустно. Она дошла до Москвы-реки и по берегу прошла в Нескучный сад, где в студенческие годы, растянувшись на траве, не раз готовилась к экзаменам. Однако она недолго предавалась воспоминаниям. Сейчас ее больше занимали другие мысли.

Первую часть своего задания она выполнила: она нашла одного, точнее одну из двух сотрудников банка, кто предал интересы своих работодателей. Она не сомневалась в том, что это Нинель. Шаховой были нужны деньги для юного красавца, которого она боялась потерять. Поначалу Наргиз решила, что Данилу специально подослали к ней, но тот был слишком глуп, его наверняка использовали вслепую. Недруги Чингиза, должно быть, очень пристально присматривались к каждому сотруднику банка и выбрали среди них тех, кто нуждался в деньгах, больших деньгах. Они использовали чужие слабости и пороки в собственных целях – что ж, это всегда приносило дивиденды. Она представила себе, как трудно было Шаховой решиться на предательство. Однако она пошла на это, потому что уже полностью зависела от юного красавчика, присосавшегося к ней как пиявка и вытягивающего с нее все, что только можно. На что рассчитывала Нинель? Что ее предательство останется в тайне, никогда не выплывет наружу? Она ведь не так наивна, чтобы надеяться на это. Нет, она знала, что все, в конце концов, станет известно, и, тем не менее, согласилась на сделку. Возможно,

Данила был первым мужчиной в ее жизни, первым, кто обратил на нее внимание как на женщину. Возможно, в глубине души она понимала, чем вызван его интерес к ней, но уже ничего не могла с собой поделать, шла на все, чтобы еще немного удержать его рядом с собой. То, что он когда-нибудь уйдет от нее, она прекрасно знала. Уйдет, как только она будет не в состоянии оплачивать его счета, одаривать дорогими подарками. Она знала, знает об этом. Тем не менее... Наргиз вдруг вздрогнула от дурного предчувствия. Как наяву она увидела перед собой Нинель, точнее ее ноги. Вот они оттолкнулись от стула и повисли в воздухе. Она почувствовала, как мурашки пробежали по всему телу, и поежилась, словно от холода.

Она вернулась в банк, когда рабочий день уже подошел к концу, однако ни Чингиз, ни Максим еще не покинули свои кабинеты. Она зашла к Максиму и уже вместе с ним направилась к главе банка.

Они сидели втроем за журнальным столиком в глубине комнаты. Наргиз уютно расположилась в кресле и, закрыв глаза, слушала разговор двух друзей.

– Устали? – услышала она сочувственный голос Максима. – Вы что-то бледная сегодня.

Наргиз открыла глаза, поправила сбившийся локон и слабо кивнула:

– Сегодня был не очень легкий день.

– Что-нибудь случилось? – вскинул голову Чингиз. – Вас

не было почти весь день, я уже начал беспокоиться. Так что произошло за это время?

– Ничего особенного. – Она выдержала паузу, но не ради эффекта – она действительно очень устала за этот длинный день. – Если не считать, что теперь я знаю одного из тех, кого мы ищем.

– Да? Как это вам удалось? – оживился было Чингиз, но вдруг как-то сник. – Не очень-то приятно сознавать, что человек, которому ты верил, обманул тебя.

– Кто это? – с нетерпением спросил Максим.

– Шахова, – последовал короткий ответ.

– Что?! – воскликнули оба друга одновременно. – Не может быть!

Наргиз подробно рассказала о том, чему была свидетельницей: о встрече Нинель с Данилой, о своем разговоре с юношей, о выводах, к которым она пришла. Когда она закончила, в комнате несколько минут царило молчание.

– Вы уверены в том, что говорите? – наконец спросил Чингиз. Ему не хотелось верить, что происходящее правда. Одно дело предполагать, что кто-то тебя предал, совсем другое – знать.

– Это нетрудно проверить. Спросите Нинель.

– Вы думаете, она сознается?

– Я уверена в этом. Она не станет ничего отрицать.

– Нинель, – тихо произнес Чингиз и опять повторил: – Нинель. Я мог подумать на кого угодно, но только не на нее.

Такая тихая, спокойная. Никаких эмоций, желаний. Исполнительная, дисциплинированная, отлично знающая свою работу.

– Вы мало знаете о своих сотрудниках, об их мечтах, страстях и желаниях, – проговорила Наргиз. – Для вас Нинель бесполое существо, у которой не может быть иных желаний, как верно служить вам. Вы хоть раз спросили ее, каково ей – одинокой, некрасивой, вынужденной прятать свои чувства, усмирять желания?..

Чингиз молчал, не зная, что ответить на ее неожиданную тираду. Но Наргиз и не ждала от него ответа. Она только попросила:

– Будьте с ней деликатнее.

– Деликатен с человеком, которого можно купить за деньги? – Чингиз был потрясен. – Я, конечно, не передам ее в руки властей, обвинив в экономическом шпионаже, не стану мстить, что-то требовать от нее, но быть деликатным? Она занимала в банке довольно высокое положение, получала зарплату, в разы превышающую зарплату академиков, с ней обращались вежливо, приветливо, ее ценили...

– Вы как будто не слышали ничего из того, что я вам говорила, – холодно прервала его Наргиз. Она встала и со словами: – Впрочем, вы здесь начальник и можете делать все, что вам угодно, – вышла из кабинета.

Максим догнал ее в коридоре.

– Вы не должны быть так строги к нему. Вы не представ-

ляете, как ему тяжело и обидно. Предательство трудно простить.

– Я знаю, и просто хотела, чтобы он был осторожен. У меня плохое предчувствие.

– Вы верите в предчувствия? – очень мягко спросил Максим.

– Верю. К сожалению, мне не раз приходилось убеждаться в том, что они меня не обманывают.

Он увидел в ее глазах тревогу и растерянность.

– Я очень хотела бы ошибиться на этот раз.

Она сделала шаг в сторону своего кабинета, но Максим удержал ее.

– Я поговорю с Чингизом.

– Спасибо.

Наргиз не присутствовала при встрече Чингиза с Нинель: никто в банке не должен был знать истинную причину ее появления здесь. По словам Максима, все прошло предельно просто, даже обыденно. Чингиз вызвал к себе Нинель и ровным бесцветным голосом предложил ей написать заявление об уходе. Он не стал ее ни в чем ни обвинять, ни упрекать. Никаких объяснений. Просто придвинул ей чистый лист бумаги и ручку. Но она все поняла. Сначала ее лицо залила краска, потом оно стало белее бумаги, лежащей перед ней. Нинель жалко улыбнулась, низко наклонила голову над чистым листом и негнушными пальцами написала несколько строк. Не сводя с нее немигающих глаз, Чингиз взял заявление и, не прочитав, подписал. Только перед самым ее уходом он не сдержался и с горечью произнес:

– Вы разочаровали меня. Я верил вам, а вы меня обманули. Уходите, я не хочу больше вас видеть.

Через окно своего кабинета Наргиз видела, как Нинель вышла на улицу и медленно, словно под тяжестью невероятного груза, двинулась в сторону метро. У нее защемило сердце. Что бы там ни было, а ей было жаль эту женщину. Она долго стояла у окна и смотрела вслед Нинель, пока та не исчезла из виду. Здесь, у окна, ее и застал Максим. Его поразило каменное лицо Наргиз, когда она повернулась на скрип

открывающейся двери.

– Как все прошло? – дрогнувшим голосом спросила она.

Наргиз слушала внимательно, и только к концу рассказа ее лицо несколько смягчилось.

– Вы так переживаете, словно знаете ее много лет, а не несколько дней.

– Разве это зависит от того, сколько времени ты знаешь человека? – в ее голосе сквозили непривычные горечь, тоска и уныние.

– Что вас так тревожит?

– Не знаю. Может, то, что вольно или невольно я оказалась причастной к ее разоблачению, а теперь еще и к увольнению.

– Рано или поздно, с вами или без вас она все равно была бы разоблачена, – попытался успокоить ее Максим.

– Да, наверное, – тяжело вздохнула Наргиз, – но это нисколько не меняет того факта, что именно я оказалась в роли ее злого ангела.

– Не корите себя так.

Максим приблизился к ней вплотную, мягко обнял за плечи и привлек к себе. Она охотно прислонила голову к его широкому плечу. С ним было так спокойно и просто, куда-то прочь ушли все страхи, тревоги и сомнения, но они вернулись, как только она отстранилась от него. Он поймал ее испуганный взгляд.

– Что? – одними губами прошептал он.

Так же шепотом она ответила:

– Вчера, когда я думала о ней, мне привиделась веревка в ванной комнате, затянутая на шее Нинель, и стул, опрокинутый из-под ее ног.

Как бы ни был мужественен Максим, он вздрогнул. Он не придавал большого значения предчувствиям, не верил в мистику и пророчества, тем не менее, слова Наргиз настрожили его.

– Что мы можем сделать?

– Не знаю. Я знаю только, что не хочу отягощать свою совесть чьей-либо смертью.

– Надеюсь, до этого не дойдет. – Он только сейчас убрал руки с ее плеч. – Мне надо уходить. Если надумаете что-нибудь, заходите без всяких сомнений. Я буду рад вам помочь.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она.

Максим ушел, а Наргиз уселась обратно в кресло без единой мысли в голове, уставившись немигающим взглядом в невидимую точку на противоположной стене. Когда часы пробили ровно пять, она неожиданно для себя вскочила с места и чуть ли не бегом пустилась по коридору в сторону, где находился кабинет вице-президента. Без стука ворвавшись к нему, она на одном дыхании спросила у изумленного Максима:

– Вы знаете, где живет Шахова?

– Да, я пару раз бывал у нее.

– Вы отвезете меня к ней?

– Пожалуйста. Но что случилось?

– Ничего. Пока ничего. Но, боюсь, что может случиться.

Нинель жила далеко от центра, в районе Беляево, в одном из бесчисленных девятиэтажных коробок, которые выросли здесь за несколько последних десятилетий. Наргиз насчитала восемь одинаковых домов, стоящих рядышком. С ее неспособностью ориентироваться на местности она никогда бы с первого раза не нашла нужный дом, но Максим уверенно подкатил свой «Мерседес» к одной из многоэтажек.

Нинель очень долго не открывала дверь. Наргиз уже решила, что ее нет дома или... или что они пришли слишком поздно. Но вот они услышали характерный звук поворачивающегося ключа, и дверь открылась. На Нинель был тот же темно-синий костюм, что и утром. Лицо ее было безжизненным, глаза потухшими, а бледные губы плотно сжаты. Она отодвинулась, молча пропуская в квартиру мужчину и женщину. Кажется, она нисколько не удивилась их визиту. Или ей уже было все безразлично. Максим остался в прихожей, а Наргиз вошла вслед за Нинель в небольшую гостиную. Хозяйка не стала садиться сама и не предложила сесть госте. Какое-то время Наргиз молчала, не зная, с чего начать. Нинель ее не торопила. Лицо хозяйки оставалось безучастным. Максим через открытую дверь внимательно следил за обеими женщинами. Он не знал, зачем Наргиз приехала сюда – он мог только догадываться. Неужели она думает, что сможет предостеречь ее от необдуманного шага? Если, конечно, та действительно решила, как считает Наргиз, свести счеты

с жизнью. Да, так и есть.

Наргиз приблизилась вплотную к женщине и, осторожно взяв ее руки в свои, очень мягко, даже нежно произнесла:

– Не делайте того, что вы задумали. Это не выход из положения. Через несколько недель, месяцев вы сможете спокойно взирать на то, что произошло сегодня.

– Все пройдет. И это пройдет, как говаривал Соломон. Не так ли, милая? – неожиданно слабая улыбка тронула губы Нинель.

– Да-да, – растерянно кивнула Наргиз.

– Спасибо, милая, но не тревожьтесь и не вините себя. Вы тут ни при чем. Только уже поздно, и ничего, к сожалению, нельзя исправить.

Наргиз вдруг поняла, что больше не увидит эту женщину. Она бессильна что-нибудь сделать. Ей не надо было приходиться сюда. Должно произойти чудо, чтобы Нинель переменила решение. И все же... Может, еще раз попытаться?

– Я могу остаться с вами до утра.

– Нет, милая, нет. Уходите. Я хочу остаться одна.

Наргиз спускалась по ступенькам с тяжелым сердцем. За спиной раздавались мягкие шаги Максима. За последние полчаса он не произнес ни слова. Внизу, при выходе из подъезда, она лицом к лицу столкнулась с Данилой. Тот удивленно отпрянул от нее.

– Что вы здесь делаете? Вы следите за нами? Кто вы?

У нее не было никакого желания отвечать на его вопросы,

но она не могла не воспользоваться еще одним шансом.

– Поднимайся навверх, – обратилась она к нему. – Она ждет тебя. И, пожалуйста, что бы вас ни связывало, как бы ты к ней ни относился, будь с ней ласковее и внимательнее, чем обычно. Сегодня у нее был тяжелый день. И еще. Проследи, чтобы она не натворила чего-нибудь.

– Что случилось? – на его красивом лице отразилось искреннее беспокойство.

– Я не могу этого сказать. Если Нинель сочтет нужным, то расскажет сама. Но поспеши, как бы потом не было поздно. Да, вот номер моего телефона. Позвони мне завтра.

Данила бросил пристальный взгляд на Наргиз, потом перевел его на Максима и, не сказав больше ни слова, побежал вверх по лестницам, перепрыгивая через две ступеньки.

Может, он и есть то чудо, которое остановит Нинель? Наргиз очень хотелось в это верить, но, зная, что именно привлекало Данилу в этой женщине, легко представила его реакцию в ту минуту, когда он узнает, что его благодетельница лишилась работы и осталась без гроша.

Наргиз села в машину и уставилась перед собой.

– Устали? – участливо спросил Максим.

Не отвечая на вопрос, она проговорила:

– Зачем только я приехала сюда? Наверное, хотела успокоить свою совесть. Не помогло.

– Вы не должны ни в чем упрекать себя. – Максим дотронулся тыльной стороной ладони ее щеки. – Мне тоже жаль

Нинель, но она взрослая и умная женщина и хорошо понимала, на что идет и что последует за ее разоблачением. Каждый делает свой выбор, она его сделала и теперь расплачивается за последствия. Не вы, так кто-нибудь другой вычислил бы ее. Или она сама каким-нибудь образом выдала бы себя. В любом случае ее двойная жизнь не могла продолжаться долго.

Максим вырулил машину на трассу и, лавируя в плотном потоке машин, помчался в сторону центра. Минут через сорок, проехав Таганскую площадь, он внезапно притормозил у старинного здания, на котором светилась вывеска: «Ресторан «Грот».

– Вы не проголодались? – повернулся он к ней.

– Нет, – быстро ответила Наргиз, но тут же добавила: – Не знаю. Кажется, я не ела с самого утра. Но в любом случае я не могу идти в ресторан в таком виде.

– Вы прекрасно выглядите, – успокоил ее Максим. – Идемте.

Это был маленький уютный ресторан на двадцать пять человек. В давние времена здесь располагался трактир, в котором бывал Петр Первый. Интерьер хранил многие архитектурные детали прошлого. Наргиз с любопытством огляделась. Зал ресторана украшали авторские работы из керамики, картины и гобелены известных художников. Мягкое освещение и негромкая музыка гармонично дополняли камерную обстановку.

– «Грот» особенно популярен среди московских гурманов как ресторан изысканной кухни, – проговорил Максим, подводя ее к свободному столику.

Только когда официант разложил перед ними аппетитно пахнущие блюда, Наргиз поняла, как она голодна.

– Я даже забыла, что сегодня не обедала, – проговорила она, принимаясь за обжаренные кусочки нежного куриного мяса под ореховым соусом.

– Вот видите, хорошо, что я привел вас сюда. Кстати, это блюдо почему-то называется «Кавказская пленница».

– Да? Как интересно! А как название этого блюда? – поинтересовалась Наргиз, показывая на тигровые креветки, обжаренные с острыми специями.

– «Поцелуй саламандры».

– Как страшно!

– Попробуйте. Очень вкусно.

Наргиз последовала его совету.

– Действительно, потрясающе вкусно. Можно еще? У меня разыгрался аппетит.

– Не стесняйтесь, если надо, я закажу еще.

За едой они больше говорили о пустяках. Максим рассказывал смешные истории из своей жизни. Наргиз с удовольствием слушала его. Он был хорошим рассказчиком, и ему удалось заставить ее забыть на время о неприятностях этого долгого и трудного дня.

Заиграла медленная красивая мелодия. Максим встал

и протянул руку Наргиз, приглашая ее на танец.

– Нет, только не это, – засмеялась она. – Я совершенно не умею танцевать.

– Не страшно, я вас научу. – И, несмотря на ее сопротивление, повел ее в круг.

– Это очень просто. – Он положил ее руки себе на плечи, а сам обнял ее за талию. – Можешь вообще не двигаться.

Она заметила, что он перешел с ней на «ты».

– Или делай так. – Он показал ей несколько движений. – Сможешь?

Наргиз покачала головой.

– Ты не представляешь, сколько человек брались научить меня танцевать – и безуспешно. – Она тоже перешла с ним на «ты». – У меня полностью отсутствует чувство ритма. Это почти то же самое, что и в случае с ориентацией на местности.

– Странно, – пришлось признать Максиму.

– Я раньше ужасно комплексовала из-за этого. Ни о каких дискотеках и вечеринках и речи быть не могло. Подруги все вечера пропадали на танцах, а моим единственным другом была книга.

– Нет худа без добра, – пошутил Максим. – Не будь этого изъяна, ты не стала бы такой умной и образованной.

Наргиз засмеялась.

– Ну что, так и будем стоять на одном месте?

– Тебе не нравится?

– Да нет, все отлично. Можно и постоять.

– Ты и сейчас комплексуешь, – шепнул ей на ухо Максим. – Расслабься и не думай, что все только тем и заняты, что смотрят на тебя. Кстати, если я крепко тебя обниму, нас примут за двух влюбленных, и никто не поймет, что ты совершенно не умеешь танцевать.

Он так и сделал. Приподнял и притянул ее к себе, крепко и в то же время нежно обнял и стал медленно кружить по залу. Ее ноги почти не касались пола. У нее перехватило дыхание, появилось потрясающее ощущение невесомости и полета. Она не знала, сколько времени это продолжалось, но, когда музыка прервалась и он остановился, ей показалось, что она сейчас рухнет на пол. Однако сильные мужские руки удержали ее.

– Спасибо, это было чудесно, – поблагодарила она, когда они вернулись к столу, и одарила его своей лучшей улыбкой.

Через два часа они сидели в машине, и Максим, слегка повернув голову в сторону Наргиз, очень спокойно предложил:

– Поедем ко мне?

Наргиз готова была отказаться, но тут услышала:

– Диван и комната, которые так тебе понравились, ждут тебя.

Она с минуту глядела перед собой, а потом не очень уверенно произнесла:

– Поедем.

Еще через час Наргиз сидела на диване, забравшись на него ногами и свернувшись гибким клубочком, а сам хозяин дома расположился прямо на полу, прислонившись спиной к краю дивана. Они говорили обо всем и ни о чем, стараясь забыть на время о проблемах, которые принесли с собой последние дни.

Наргиз не помнила, когда забылась крепким сном, и проснулась оттого, что кто-то тряс ее за плечо.

– Просыпайся, соня, а то опоздаешь на работу.

Она открыла глаза и увидела улыбающееся лицо Максима. Он уже успел принять душ, побриться и одеться.

– Я долго не решался тебя будить, ты так сладко спала, – извинился он, – но больше тянуть было нельзя. Через полчаса надо выходить.

Наргиз откинула теплый плед, которым он укрыл ее ночью, и вскочила с дивана.

– Господи, это сколько же я спала?

– Почти пять часов. Это много?

– Для меня – да.

Она окинула себя критическим взглядом и поморщилась от увиденного. Платье порядком помялось, что было неудивительно, если вспомнить, что спала она не раздеваясь.

– Как я появлюсь на работе в таком виде?

Максим задумчиво оглядел ее с головы до ног.

– О том, чтобы ехать к твоей подруге, не может быть и речи. Мы потеряем, как минимум, три часа. Собирайся скорей,

мы что-нибудь придумаем по дороге.

Наргиз понадобилось двадцать минут, чтобы принять душ, позавтракать, убрать за собой и спуститься вниз, где ее ждал Максим, уже сидящий за рулем «Мерседеса».

В эти утренние часы улицы были битком заполнены автомобилями, и Максим, чтобы не терять время в многочисленных пробках, повел свой «Мерседес» по узеньким, одному ему ведомым переулкам и закоулкам. Свернув на какую-то улицу, он остановился возле жилого дома, первый этаж которого занимал магазин модной мужской и женской одежды.

– Идем со мной, – позвал он, быстрым шагом направляясь к стеклянной двери.

В роскошно обставленном салоне магазина навстречу им двинулась крашеная блондинка с пышными формами. Она улыбнулась Максиму как старому знакомому.

– Макс, ты так давно не появлялся у нас! Где ты пропадал? Впрочем, не отвечай, я знаю, что ты сейчас скажешь. Как всегда срочные дела, от которых невозможно оторваться.

Здороваясь, Максим по-дружески чмокнул хозяйку салона в щеку, а потом представил Наргиз.

– Катюша, Наргиз сегодня предстоят важные деловые встречи, и ей надо соответственно выглядеть. Полагаюсь на твой вкус.

Екатерина с любопытством оглядела покупательницу. От ее острого взгляда не укрылась помятая одежда клиентки. «Представляю, что она сейчас подумала», – мысленно

вздохнула Наргиз, заметив лукавый и слегка насмешливый взгляд, который Екатерина бросила на Максима. Впрочем, ей было все равно, к каким выводам та пришла. Вряд ли когда-нибудь впредь она появится в этом роскошном магазине.

– У нас как раз есть то, что нужно вашей знакомой, – услышала она голос хозяйки салона. – Пройдемте со мной.

Через несколько минут Наргиз стояла в примерочной и глядела на себя в большое зеркало. На ней был элегантный костюм ярко-вишневого цвета.

– Вам к лицу этот цвет, он удивительно хорошо сочетается с вашими глазами. Я сразу заметила, какого они необычного цвета, – ворковала вокруг нее продавщица. Хозяйка салона стояла рядом и одобрительно кивала. – И этот фасон. Он подчеркивает вашу тонкую талию и высокую грудь. Стильно, красиво, благородно.

Наргиз, никогда раньше не носившая таких ярких нарядов, должна была признать, что вишневый цвет ей действительно к лицу. Он освежал ее, делал еще стройнее и выше и прекрасно сочетался с темно-каштановыми волосами и глазами цвета спелой вишни.

– Если хотите, я помогу вам подобрать к костюму бижутерию, туфли, сумочку, – предложила продавщица.

Наргиз, не задумываясь, согласилась. Несомненно, к новому костюму нужны соответствующие аксессуары. Туфли на низком каблуке и небольшая сумка через плечо, в которую она, тем не менее, умудрялась вместить все, что мо-

жет понадобится в ближайшие восемь-десять часов, никак не сочетались с костюмом от...

– Это Ив Сен Лоран, – как будто читая ее мысли, сказала Катя. – Аксессуары принадлежат этой же фирме.

Наргиз на миг зажмурила глаза. Она представила, во сколько обойдется ей новый прикид. Нет, она не может позволить себе покупать одежду, стоимость которой, как минимум, равна ее двухгодичной зарплате. Она уже готова была снять костюм и облачиться в старое платье, когда услышала голос Максима:

– Вы готовы? В нашем распоряжении всего несколько минут.

– Мы сейчас будем, – отозвалась Катя.

Продавщица сняла с вешалки помятое платье и начала аккуратно его складывать.

– Вы можете выйти, а я соберу ваши вещи.

Наргиз ничего не оставалось, как выйти из примерочной. Ей все же следовало объяснить Кате, что костюм от Ив Сен Лоран ей не по карману. Она так была занята этими мыслями, что не заметила восхищенного взгляда Максима.

– Ты прекрасно выглядишь. Костюм словно шит на тебе, – начал было он, но, встретив ее мрачный взгляд, остановился: – Что случилось? Тебе не нравится? Если так, то поверь мне как мужчине: ты выглядишь сногшибательно.

– Спасибо, – поблагодарила Наргиз, однако выражение ее лица оставалось по-прежнему хмурым. – Возможно, это

и так, но есть одна маленькая и неприятная загвоздка: у меня нет денег, чтобы купить его.

– Вот что тебя беспокоит! Не бери в голову. Считай этот костюм маленьким подарком от меня.

Он пожалел о сказанных словах, как только натолкнулся на ее холодный высокомерный взгляд.

– Простите, – Наргиз даже перешла на «вы», – но я не принимаю подарков от мужчин, которых знаю чуть больше недели. Тем более таких дорогих.

– Извини, я не хотел ни обидеть, ни оскорбить тебя, – пробормотал Максим. – Я хотел сделать тебе приятное.

– Благодарю. Я как-нибудь сама о себе позабочусь.

Она оставалась чужой и далекой, как будто не было прошедшей ночи, когда они дружески проговорили почти до зари.

У Максима был такой потерянный и несчастный вид, что Наргиз сжалилась над ним.

– Надеюсь, я больше не услышу от тебя подобных предложений. Мы ведь друзья?

– Да, конечно.

– Тогда как друг ты можешь меня выручить. У меня сейчас нет денег, так что ты можешь оплатить за меня чек. Я верну деньги, как только Чингиз заплатит мне за работу. Я только сейчас вспомнила, что он обещал мне тысячу долларов за каждый день расследования. Кстати, это столько, сколько я зарабатываю за год, являясь собственным корре-

спондентом центральной газеты.

– Тысячу долларов? – удивленно переспросил Максим.

– Эта цифра поразила меня так же, как и тебя. Чингиз либо очень щедр, либо ему очень важно вычислить тех, кто работает против него.

– Да, ему важно найти этих людей, но также несомненно, что он щедрый человек.

Наргиз внимательно посмотрела на него.

– Ты очень предан своему другу.

Его лицо сделалось серьезным. Он кивнул:

– Я многим ему обязан.

Они все же опоздали на совещание, которое в это утро проводил Чингиз. Наргиз решила не идти на него. Ей там нечего делать, но вице-президенту банка, конечно, следовало присутствовать на совещании, и Максим, не мешкая, поднялся в кабинет своего друга и босса.

А Наргиз заперлась в кабинете, снова и снова изучая личные дела сотрудников банка. Кто из них скрывается под номером «два»? Начальник международного отдела, вице-президент, управляющий или кто-то еще? И есть ли он вообще, человек под номером «два»? Она размышляла над этим, когда зазвенел телефонный звонок.

– Наргиз?

– Да, это я. Данила? Как хорошо, что ты позвонил. Как там у вас? Все в порядке?

– А что должно быть не в порядке? – в голосе юноши слышалось недоумение. – Я не понял ничего из того, что вы говорили мне вчера. Вы не объясните, что происходит?

Наргиз ничего не собиралась ему объяснять. Главное, что ей нужно было знать – что Нинель жива.

– Как там Нинель? – не отвечая на его вопрос, в свою очередь спросила она.

– С ней все нормально. Правда, весь вчерашний вечер она вела себя очень странно: то молчала, то говорила без умолка,

то была нежна, то вообще меня не замечала. Когда я оставил ее утром...

– Так ты сейчас не с ней? – остановила его Наргиз.

– Я же не могу двадцать четыре часа в сутки находиться рядом с ней, – раздраженно проговорил Данила. – Я и так пробыл у нее весь вечер и всю ночь. К тому же я не знаю причин, по которым я должен беспокоиться. Кстати, почему сегодня она не пошла на работу?

– А ты спрашивал ее об этом?

– Спрашивал. Она сказала, что сегодня побудет дома.

Наргиз по-прежнему ощущала смутное беспокойство и потому попросила:

– Данила, прошу тебя, не оставляй в эти дни Нинель одну. Ты обещаешь?

Юноша ответил не сразу.

– Вы же понимаете, я не могу сидеть возле нее как привязанный. У меня есть свои дела.

– Я прекрасно тебя понимаю, но... Пожалуйста, сделай так, как я тебя прошу. К сожалению, я не могу сейчас много объяснить, но скоро ты сам обо всем узнаешь. – Наргиз говорила умоляющим тоном, хотя и знала, что не стоит взывать к совести молодого человека. Он и пальцем не пошевелит, если это не принесет ему хоть какую-то выгоду.

– У меня дела, – упрямо повторил Данила.

Вот черт! Как убедить его хотя бы несколько дней не оставлять ее одну? Как заинтересовать?

– Данила, если будешь пай-мальчиком, я подскажу, как избавиться от долгов.

В трубке некоторое время хранили молчание.

– Вы действительно поможете мне? – наконец спросил он. – Вы же знаете, в каком отчаянном положении я нахожусь. Нинель обещала мне помочь, только, чувствую, сейчас от нее никакого проку. У нее появились свои проблемы.

«Ах ты, гаденыш!» – хотела сказать Наргиз, но усилием воли заставила себя сдержаться и проговорить совсем иное:

– Я тебе помогу. А если я что-то обещала, то можешь быть уверен: я сдержу слово. Только обещай позаботиться о Нинель.

– Хорошо, – не очень охотно согласился Данила и повесил трубку.

Слова Данилы не успокоили ее, безотчетное чувство тревоги оставалось. Если с Нинель что-нибудь случится, в этом будет частица и ее вины. Она помнила доводы и возражения Максима, но она так же хорошо знала себя: случись что с Нинель, она будет казнить себя всю жизнь.

От грустных размышлений ее отвлек Максим, заглянувший к ней после утреннего совещания.

– Чингиз у себя? – поинтересовалась Наргиз.

– Нет, он уехал сразу после совещания. У него встреча в московской мэрии, так что он вряд ли будет скоро.

– Жаль, мне нужно было с ним поговорить.

– Чингизу тоже. Он передал, что позвонит тебе.

Наргиз досадливо поморщилась.

– Он считает, что я должна безвылазно сидеть в этом кабинете и ждать, когда он соизволит позвонить?

Максим засмеялся.

– Чингиз предвидел твою реакцию и передал тебе вот это. – Он протянул ей сотовый телефон.

Наргиз повертела в руках телефон словно игрушку.

– Спасибо, – буркнула она и спрятала его в ящикек стола.

Чингиз позвонил только в пять часов вечера.

– Где ты? – спросил он. – Я хотел тебя видеть.

Она отметила про себя, что он перешел с ней на «ты». Почему бы ей не сделать то же самое?

– Я еще в банке, но собираюсь выходить. Тебя подождать?

– Нет, сделаем иначе. Подъезжай к гостинице «Метрополь». Через час я буду ждать тебя у входа. Надеюсь, у тебя нет других планов на вечер?

– Никаких. Я скоро буду.

– Попроси кого-нибудь в банке подвезти тебя.

– Не надо. Я доберусь своим ходом.

Через двадцать минут Наргиз садилась в метро и ровно в шесть часов была у гостиницы «Метрополь», где ее ожидал Чингиз. Людей в этот час на улице было много, и он заметил ее только в тот момент, когда она оказалась рядом. Одним взглядом Чингиз охватил изящную фигуру Наргиз в новом костюме. Она выглядела так великолепно, что у него на миг перехватило дыхание. Не произнося ни слова, он взял ее под

локоть и вместе с ней направился к услужливо открытой двери. Они поднялись на четвертый этаж, где размещался ресторан «Боярский»

Небольшой зал ресторана поражал уникальным интерьером. Наргиз не смогла сдержать возгласа восхищения.

– Все это великолепиие, – сказал Чингиз, кивая вокруг, – создано, насколько мне известно, известным русским художником начала прошлого века Сергеем Чехониным.

Их провели к столику у окна. Официант протянул им меню и карту вин.

– Я полагаюсь на твой вкус, – сказала Наргиз, передавая меню своему спутнику.

Видимо, он бывал здесь не раз, потому что выбрал блюда, не заглядывая в меню.

– Пожалуйста, нам щуку муромскую нагульную, фаршированную с чесноком «карри» и шафраном под жульеном из овощей, и салат «Ласточкино гнездо» с жареным фазаном, ягненком и куропаткой. Из горячих закусок телячьи мозги под соусом «Провансаль».

Официант предложил попробовать жаркое из гусиной печени в клюквенном взваре с сырыми шампиньонами, а также фирменное блюдо – лангетики в ореховой корочке из мяса лося под трюфельным соусом с грибами. Чингиз согласно кивнул, а на десерт заказал мороженое «Нуга».

– Что за мороженое такое? – поинтересовалась Наргиз, обожающая сладкое.

– С взбитыми сливками и с добавлением грильяжа и изюма в коньяке. Тебе понравится.

После выбора блюд он перешел к изучению винной карты. Избранные им вина оказались не просто безоговорочно хороши, но и гармонично сочетались с блюдами.

Внимательно разглядывая тарелки с едой, которые через полчаса официант поставил перед ней, Наргиз не удержалась от хвалы:

– Эти блюда могли бы стать украшением царского стола.

Молодой официант даже вспыхнул от удовольствия.

– Эти русские национальные блюда восстановлены по старинным рецептам, – приятным голосом проговорил он. – Вы получите большое удовольствие, попробовав их. Приятного вам аппетита!

Чингиз поблагодарил его кивком головы, отпуская, но не торопился приступать к еде. Он откровенно разглядывал свою спутницу.

– Ты сегодня просто восхитительна, – сделал он комплимент.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила Наргиз.

– Ты не только необыкновенно умная женщина, но и одна из самых очаровательных, которых я когда-либо встречал.

Слова Чингиз не столько обрадовали, сколько удивили и озадачили ее. Что бы они значили?

– Обычно, – осторожно проговорила она, – комплименты говорят в том случае, когда от человека что-то нужно. Что

ты хочешь от меня?

– Ничего. Неужели тебе никогда не говорили комплиментов просто так?

Наргиз не стала отвечать на его вопрос, она демонстративно поменяла тему разговора.

– Вчера в ресторане «Грот» нам подали салат-коктейль «Бриз» из крабов с коньяком. У меня до сих пор остался во рту его вкус. Однако, как мне кажется, «Ласточкино гнездо» нисколько ему не уступает.

– «Грот» – любимый ресторан Макса. Это он тебя туда повел?

Наргиз кивнула.

– Вы, как я вижу, подружились, – Чингиз сказал это ровным, ничего не выражающим голосом. Было непонятно, радуется его сей факт или, наоборот огорчает.

– Ты что-то имеешь против? – невинным голосом поинтересовалась Наргиз.

Чингиз медлил с ответом.

– Имею. – Он в упор посмотрел на нее. – Максим мой самый близкий друг. Я очень люблю его и хочу, чтобы он был счастлив, но... но только с другой женщиной.

– Почему? Ты считаешь, что я не принадлежу к женщинам, с которыми твой друг может быть счастлив?

– Ты неправильно поняла. Наоборот, ты именно та женщина, которая нужна Максиму.

– Тогда в чем же проблема? – недоуменно спросила Нар-

гиз.

– В том, – медленно, подбирая слова, проговорил он, – что мне не хотелось бы никому тебя отдавать, даже Максу. Ты заинтересовала меня.

С минуту она молчала, а потом весело рассмеялась.

– Кажется, я не сказал ничего смешного, – с каменным выражением лица произнес Чингиз.

– Прости, я не хотела тебя обидеть. – Наргиз говорила искренне, однако в ее глазах продолжали плясать смешинки. – Кстати, что значит «заинтересовала»? Насколько я помню, совсем недавно тебя интересовали такие девушки, как Лариса. Или у тебя за несколько последних дней изменились вкусы?

– Ты же сама говорила, что на таких женщинах, как Лариса, не женятся, им не предлагают руку и сердце.

– Надеюсь, ты не предлагаешь мне то и другое?

– Почему бы и нет?

– Потому что я в это никогда не поверю.

– Почему? – повторил он.

– Во-первых, потому что только недавно ты уверял меня, что не собираешься жениться в ближайшие пять лет.

– Я передумал.

– Во-вторых, – продолжала Наргиз, – ты ошибся в выборе. Если тебе и нужна жена, то только не такая, как я.

– Об этом мне судить.

– Ты совсем меня не знаешь.

– Это нетрудно исправить.

– Ты не знаешь, – продолжала она, не обращая внимания на его реплики, – что я была однажды замужем и вынесла из замужества не самые лучшие впечатления.

– Расскажи об этом.

Наргиз слегка нахмурилась. Ей не очень приятно было вспоминать прошлое, но она исполнила его просьбу.

– Мой муж был слабым инфантильным человеком, который временами превращался в настоящего деспота. Сначала он вызывал у меня жалость, потом презрение, в конце концов, я начала его ненавидеть. Ты же знаешь, как у нас, на Кавказе, даже сейчас совершаются многие браки. Никакой любви, никаких теплых чувств между нами не было. Мы едва знали друг друга. Однако он долго не хотел отпускать меня. Я до сих пор удивляюсь, что он все-таки сделал это.

– Не все мужчины такие, как твой бывший муж. Надеюсь, я тоже.

– У меня двое детей: дочь и сын...

– Которым нужен отец, – закончил за нее Чингиз.

– Я не представляю тебя в роли мужчины, воспитывающего чужих детей.

– Ты плохо меня знаешь, – повторил он ее слова.

– Возможно. Но я знаю точно, что ты не влюблен в меня.

– Ты недооцениваешь себя. Ты потрясающе умна...

– Упаси Боже, Чингиз! Женщину можно полюбить за что угодно, но только не за ум. Умная жена, как-то сказал Ромен

Роллан, что громоздкая мебель.

– Он ошибался.

– Возможно, – не стала спорить Наргиз.

– И красива, – продолжал Чингиз, как будто она его не прерывала. – Ты разительно отличаешься от всех тех женщин, которых я когда-либо встречал.

– Именно последнее обстоятельство, признайся, и привлекло тебя во мне прежде всего. Удивительно, что ты не сказал этого сразу. Обычно другие в первую очередь указывали именно эту причину.

– Другие?

– Представь себе, но мне довольно часто предлагали замуж, особенно в студенческие годы. Случалось это через день-два, максимум через неделю после нашего знакомства, а иногда и в тот же день. И у всех была готова одна и та же фраза: «Ты так отличаешься от всех других». Понятно, что ни о каких чувствах и речи не было. Их привлекала лишь моя непохожесть на других.

По мере того, как она говорила, выражение его лица становилось все более удивленным.

– Вот не подумал бы, что ты до такой степени закомплексована.

– Закомплексована? – Наргиз даже заморгала глазами.

– Неужели раньше тебе этого никто не говорил? Странно. Почему ты думаешь, что непохожесть на других сама по себе не может привлечь мужчину, пробудить в нем какие-то

чувства? Любая другая женщина приняла бы за величайший комплимент, если бы кто-то сказал ей, что она единственная в своем роде, что такой, как она, больше нет и быть не может. Ты производишь впечатление уверенной в себе женщины, а тем временем... – Он не закончил фразы. Не сводя с нее задумчивых глаз, он неожиданно произнес: – А может, все дело в том, что ты не любила никого из тех, кто предлагал тебе замуж? Иначе ты восприняла бы их слова как комплимент. Ты вообще любила кого-нибудь в своей жизни?

Наргиз пожала плечами:

– Я не хочу отвечать на этот вопрос.

– Значит, нет, не любила, – в голосе Чингиза звучала уверенность. – Это становится интересно. Я могу только позавидовать мужчине, который сможет разбудить в тебе это чувство, а лучше страсть.

– Ты умываешь руки? – саркастически улыбнулась Наргиз.

– Нет-нет, я попробую.

Чингиз в эту минуту выглядел как охотник, почувствовавший добычу, и Наргиз со смехом сказала ему об этом.

– Что ж, – он нисколько не обиделся, – мужчина в душе всегда охотник. А если ему удастся поймать в свои сети такую женщину, как ты, он может считать себя счастливым и победителем.

Наргиз нахмурилась. Ей не нравился тот оборот, который принял их разговор. Пора было прекращать его.

– Я думаю, – твердо проговорила она, – будет лучше, если мы сохраним прежние отношения: ты работодатель, а я – работник. Ты поручил мне за определенную плату кое-какую работу, и, как только я справлюсь с ней, мы расстанемся. Забудем о том, о чем мы только что говорили. Так будет лучше для нас обоих.

За столом воцарилось молчание. Воспользовавшись паузой, Наргиз придвинула к себе тарелку с гусиной печенью. Впрочем, аппетит у нее пропал. Проглотив два-три кусочка жаркого, она отложила нож и вилку.

– Удивительно, – прервал молчание Чингиз, – любая другая женщина двумя руками ухватилась бы за меня и ни за что не отпустила.

– Ну, конечно, – раздраженно проговорила Наргиз. – Ты же завидная партия: высокое положение, большие деньги, приятная наружность, роскошная квартира и загородный дом. Что еще нужно человеку?

– Действительно, что еще нужно? – его голос звучал бесстрастно. – Ах да, любовь. Ты говорила о любви.

– Это ты говорил о любви.

– Я? Я не говорил – я предлагал тебе любовь, а ты, не задумываясь, отказалась.

– Что ты хочешь от меня?

– Чтобы ты подумала.

– Сколько? Месяц, два, три... год?

– С твоим умом достаточно и одного часа, чтобы прийти

к выводу, что я самый завидный жених на свете.

Наргиз взяла со стола тарелку и чуть не запустила в своего собеседника, но тот вовремя перехватил ее руку.

– Фи, ты способна и на такое! Вот не ожидал.

– Надеюсь, это отобьет у тебя охоту свататься к незнакомым женщинам.

– Возможно, и отобьет.

В его темно-карих глазах плескался смех. Ах, он забавляется! Что ж, надо признать, ему удалось вывести ее из себя. Давно с ней такого не случалось. Она даже покраснела от досады. Все к черту, следует взять себя в руки. Она подняла бокал, наполненный почти до краев французским вином, залпом осушила его и снова принялась за гусиную печень. Некоторое время Чингиз молча наблюдал за ней, а потом также принялся за еду. Почти полчаса они ели в полном молчании. Наргиз старалась не встречаться с ним взглядом и пыталась выбросить из головы его слова, сосредоточив все свое внимание на еде. Она пробовала одно блюдо за другим, мысленно отдавая должное искусству поваров, а когда очередь дошла до мороженого, не выдержала и воскликнула:

– Восхитительно!

Чингиз улыбнулся.

– Я всегда считал, что женщина, которая любит сладкое, не может быть злой и вредной.

– А теперь убедился в обратном?

– Нет-нет. Я убедился, что сладены могут быть также ум-

ными и цельными натурами.

В его голосе Наргиз не заметила никакой иронии и, тем не менее, постаралась поменять тему разговора.

– Кстати, о чем ты хотел поговорить со мной?

– О том, что, возможно, очень скоро мы сможем узнать фамилию второго человека, ставшего сообщником Машерова.

– Каким образом? – недоуменно спросила Наргиз. – У тебя появились новые данные?

– Нет, – уклончиво ответил Чингиз. – Пока нет, но они будут.

– Откуда?

– К сожалению, я не могу этого сказать, да тебе это и не следует знать. Важно то, что нам станет известно второе имя.

Некоторое время она пристально изучала его лицо.

– Ты решил действовать теми же методами, что и Машеров?

Чингиз досадливо поморщился: он должен был знать, что она догадается

– Что ты имеешь в виду? – все же спросил он.

– Ты подкупил одного из людей Машерова так же, как это сделал он, – настроение Наргиз заметно испортилось.

– Мне не стоило пытаться что-то скрыть от тебя. Да, я сделал это. Ты как будто недовольна?

– Недовольна – это мягко сказано, – она нахмурилась. –

Ты не имел права предпринимать какие-либо шаги, не поставив меня в известность.

– Да? – Чингиз скрестил руки на груди и смерил собеседницу высокомерным взглядом. – Знаешь, мне это как-то не пришло в голову.

Сказано это было таким небрежным тоном, что Наргиз вспыхнула.

– Ах, не пришло! По твоей милости я оказалась втянутой в опасную игру, но это тебя, конечно, нисколько не смущает. Ты хоть подумал, к чему может привести ваше противостояние? Ты хоть понимаешь, что в подобной игре не бывает победителей и проигравших?

– Ты слишком сгущаешь краски.

– Мне бы твоя беспечность. Ты как ребенок радуешься своей победе. Еще бы! Тебе удалось переманить на свою сторону человека Машерова. Но как бы потом эта маленькая победа не обернулась большим поражением.

– Ты очень скептически настроена.

– При чем тут это? Просто я могу просчитывать на два хода вперед. В отличие от тебя.

Теперь вспыхнул Чингиз.

– Что, задело? Но если бы это было не так, ты бы не пригласил меня, а сам справился со своими проблемами.

За столом опять воцарилось молчание, только на этот раз оно было напряженным.

– Надеюсь, – натянутым голосом произнес Чингиз, – ты

не пойдешь на попятную.

– Не знаю, – устало промолвила Наргиз, поднимаясь с места. – Я хочу домой. – И, не глядя на своего спутника, она направилась к выходу.

Все утро Наргиз безвылазно просидела в своем кабинете. Она злилась на Чингиза за предложение выйти за него замуж, злилась за то, что он решил подкупить, точнее подкупил человека Машерова, даже не поинтересовавшись ее мнением. Ладно, она еще может молча проглотить то, что он не считается с ней, но ужели он не понимает, что его противостояние с Машеровым ни к чему хорошему не приведет. Она могла только пенять на себя за то, что дала втянуть себя в это дело – дело, которое неизвестно чем еще обернется. Ее не покидали смутные предчувствия, что должно случиться что-то непоправимое, ужасное, такое же роковое и неизбежное, как лавина, надвигающаяся с гор.

Ровно в половине одиннадцатого раздался телефонный звонок. Она смотрела на трезвонящий аппарат и не могла заставить себя протянуть руку и взять трубку. Телефон замолчал, но через минуту зазвенел вновь. Наргиз глубоко втянула в себя воздух и подняла трубку. С другого конца провода раздался хриплый взволнованный голос, который она узнала не сразу.

– Наргиз, это вы?

– Да, я. А с кем я говорю?

– Не узнали? Это я, Данила.

– Что-нибудь случилось? – она спрашивала, но уже знала

ответ на свой вопрос. – Нинель? Она все-таки сделала это? Она повесилась?

– Да. А откуда вы это знаете? Я обнаружил ее тело полчаса назад.

– Значит, ты оставил ее одну! – Наргиз почти кричала. – Я же просила тебя, Данила!

– Я не мог сидеть возле нее как привязанный, – он тоже почти кричал. – У меня есть свои дела, свои интересы. Я и так почти два дня не отходил от нее. Откуда я мог знать, что она вздумает вешаться? Она сказала, что примет ванну, и сама предложила мне пойти прогуляться. Я вернулся через два часа и нашел ее в ванной. – Он замолчал. В трубке слышалось его тяжелое прерывистое дыхание. Через минуту он добавил: – У нее ужасный вид: лицо багровое, язык вывалился изо рта. Я боюсь прикоснуться к ней.

Наргиз почувствовала, как трубка в ее руке задрожала, вот-вот – и она ее выронит. Как будто издалека до нее доносился голос Данилы, перешедший в визг.

– Я не знаю, что делать. Звонить на «скорую» или звать милицию? Посоветуйте, что мне делать. Мне страшно! – повторил он.

Она заставила себя сосредоточиться на том, что говорил юноша. Удивительно, что Данила не хлопнул дверью и не исчез, как только обнаружил труп Шаховой. Насколько она знала подобный тип людей, Данила должен был поступить именно так. А он вместо этого звонит ей, хочет вызвать

«скорую» и даже милицию. Он сказал, что нашел Шахову в ванной комнате полчаса назад. Интересно, что он делал все это время? Скорее всего, устроил в ее квартире форменный обыск в поисках чего-нибудь ценного. И наверняка нашел, если вознамерился играть в благородство.

Эти мысли пронеслись в ее голове в доли секунды, хотя, возможно, размышляла она дольше, потому что Данила упавшим голосом проговорил:

– Ну, чего же вы молчите? Скажите что-нибудь! Не оставляйте меня одного!

– Успокойся, Данила, – мягко попросила она, хотя успокоиться не помешало бы ей самой. Ее пальцы продолжали отбивать дробь. – Ничего не предпринимай. Ты в квартире Шаховой?

– Да.

– Оставайся там. Сейчас к тебе кто-нибудь подъедет.

Непослушными пальцами она набрала номер Максима, но его в кабинете не оказалось. Она позвонила в приемную президента банка. Ей ответил веселый голос Наташи.

– Да? Слушаю.

– Наташа, ты, случайно, не знаешь, где Максим?

– Случайно знаю. Он в кабинете у шефа. Уже полчаса там сидит.

– Попроси его, пожалуйста, зайти ко мне. Скажи, что я жду его.

– Почему бы тебе самой не прийти сюда? – предложила

Наташа. – Они в кабинете одни.

Конечно, было бы лучше им обоим одновременно сообщить о самоубийстве Шаховой, но после вчерашнего она не хотела видеть Чингиза. Она не была готова к встрече с ним.

– Нет, – довольно резко сказала она. – Мне нужен только Володарский.

Максим появился в ее кабинете через три минуты. Одно-го взгляда на Наргиз было достаточно, чтобы он понял: случилось что-то серьезное. Она было очень бледна, с ее лица словно сошли все краски.

– Что? – спросил он. – Что стряслось? Наташа сказала, что ты хочешь срочно меня видеть.

– Час назад в своей ванной комнате повесилась Нинель Шахова. Только что звонил Данила, – на одном дыхании выговорила Наргиз.

Максим стоял потрясенный, не в силах вымолвить ни слова. Он ожидал чего-то подобного, особенно после слов Наргиз два дня назад, но все же новость ошеломила его.

– Значит, твоя интуиция не подвела тебя и на этот раз, – сказал он, когда, наконец, обрел способность говорить.

– Лучше бы подвела. Я бы многое за это отдала.

Он понял, что она пережила за последние минуты, и не позавидовал ей.

– Только не вздумай винить себя в случившемся, – сказал он, подходя к ней совсем близко и заглядывая в лицо. – Ты

ни в чем не виновата.

– Это неправда, и ты прекрасно знаешь об этом.

– Мы поговорим об этом позже, а сейчас, наверное, надо ехать в Беляево.

Наргиз кивнула:

– Да, Данила там один. Он растерян, не знает, что делать.

– Надо сказать о случившемся Чингизу.

– Сделай это, пожалуйста, сам.

Максим внимательно посмотрел на нее, но ничего не сказал. Он вышел и через несколько минут вернулся вместе с Чингизом. Тот был хмур, выглядел озабоченным и немного подавленным.

– Ты поедешь с нами? – спросил Максим, обращаясь к Наргиз, но не успела она ответить, как вмешался Чингиз.

– Я думаю, ей лучше оставаться здесь.

В другое время единственно из чувства противоречия Наргиз поспорила бы с ним, но сейчас она была благодарна ему за эти слова. Ей было бы тяжело находиться в квартире Шаховой, видеть ее мертвое тело, присутствовать на похоронах. Словно прочитав ее мысли, Чингиз добавил:

– Я считаю, что тебе не следует появляться ни на кладбище, ни на поминках. Смерть Шаховой, несомненно, привлечет внимание Машерова. Он может догадаться, что самоубийство стало следствием ее разоблачения. Не думаю, что он свяжет с этим твое появление в банке, но не стоит рисковать.

– Хорошо, я не буду светиться. Только предупредите Данилу: пусть уезжает сразу после похорон. Куда угодно. Скажите ему, что это в его же интересах. Я и сама ему позволю, но будет лучше, если и вы поговорите с ним. Если Данила не подослан к Шаховой Машеровым, а, скорее всего, так и есть, Машеров может выйти на него, а через него и на меня. Данила, не подозревающий что к чему, может выболтать лишнее.

– Я поговорю с ним, – обещал Чингиз. – А сейчас нам пора идти.

Через три часа Максим ненадолго возвратился в банк. Выглядел он не лучшим образом. Смерть Шаховой, пусть и не близкого ему человека, но которого он знал на протяжении нескольких последних лет, и сопутствующие этой смерти обстоятельства подействовали на него угнетающе. Наргиз обратила внимание, как тяжело он опустился на стул. Его ярко-синие глаза потемнели, выражение лица было одновременно грустным, задумчивым и растерянным.

– Все, как ты описывала несколько дней назад, – сказал он. – Ванная комната, опрокинутый стул, босые ступни, свесившаяся набок голова, вывалившийся язык... Жуткая картина.

– Она оставила какую-нибудь записку?

– Да, ее нашли на столе в гостиной. Обычная в таких случаях записка. Просит никого не винить в ее смерти. Написала, что уходит из жизни добровольно в ясном уме и в твер-

дой памяти.

– Почерк ее?

Он удивленно посмотрел на нее.

– Ты думаешь...

– Нельзя исключать и такого варианта. Хотя вряд ли. Так записка написана ею?

– По крайней мере, почерк похож. Я хорошо его помню: мелкий, убористый, слегка неразборчивый. Внизу приписка.

– Какая? – живо спросила Наргиз.

– Она просила прощения у Чингиза. За что, написано не было.

– А завещание обнаружили?

– Откуда ты знаешь о завещании?

– Оно должно было быть. Шахова не могла не позаботиться о Даниле. Наверняка свою квартиру отписала ему. Я права?

Он кивнул головой.

– Представляю, как обрадовался Данила, когда, наконец, нашел его.

Максим ошеломленно смотрел на нее.

– Как ты узнала?

– Судя по тому, что звонок ко мне последовал только через полчаса, как им был обнаружен труп, Данила в эти полчаса проводил в квартире шмон. А раз звонок вообще был, значит, он нашел завещание, а в нем нечто ценное для себя. Иначе он просто исчез бы из квартиры и ни в коем случае

не стал бы ввязываться в эту дурно пахнущую историю. Нынешнее же положение его вполне устраивает. Во-первых, он избавился от женщины, которая начала ему надоедать, а во-вторых, решил свои финансовые проблемы. Продав квартиру, он не только расплатится с долгами, у него еще останется немало денег, чтобы продолжать играть и проигрывать в казино до тех пор, пока подвернется очередная Шахова. – Она говорила сухим бесстрастным тоном, машинально вертя в руках карандаш.

Максим долго, очень долго и внимательно разглядывал Наргиз.

– Почему ты так смотришь на меня? – не выдержала она, удивленная таким осмотром.

– У тебя очень изощренный ум, – он сделал паузу и добавил: – доходящий порой до цинизма.

Наргиз вспыхнула:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что иногда ты пугаешь меня.

– Я не знала, что ты такой пугливый, – она проговорила это резким голосом, неприятно удивившим ее собеседника.

Максим не ответил на ее выпад. Пробормотав что-то вроде того, что у него много дел, он удалился, оставив ее одну.

«Эконом-банк» взял на себя все расходы, связанные с похоронами Шаховой. У Нинель не нашлось ни одного родственника, который взялся бы за организацию ее похорон, и этим пришлось заняться Максиму. Два дня его не было на работе, Чингиз тоже где-то пропал, и Наргиз слонялась по зданию банка, не зная, что делать. Подруги Марины в Москве не было. Андрюшу она отправила к родителям в Брянск, а сама уехала по «горящей» путевке на Черное море.

На третий день после смерти Шаховой она не явилась, как обычно, с утра в банк, а отправилась в центр города. Шум, сутолока, царящая в центре Москвы, обычно отвлекали ее от неприятных мыслей и тревог. Однако на этот раз ни прогулка по Красной площади и Тверской улице, ни посещение книжного и антикварного магазинов, в которых она любила бывать, ни прогулка по старому Арбату не помогли. Она спустилась в метро, вышла на станции Комсомольская, а оттуда прошла к трем вокзалам. В зале Ленинградского вокзала простуженный мужской голос объявил о том, что через двадцать минут начнется посадка на поезд «Москва – Санкт-Петербург». Ей вдруг так остро захотелось в Питер, где она не была много-много лет, что ноги сами понесли ее к железнодорожным кассам. Она выстояла небольшую очередь,

приобрела билет на плацкартный вагон, и уже через час поезд мчал ее в северном направлении прочь от Москвы.

В Питер она приехала поздно вечером, ночь провела на Московском вокзале, а чуть забрезжил рассвет, направилась к Зимнему Дворцу. Она много раз бывала в залах Эрмитажа, но всегда мечтала все дни пребывания в этом городе полностью посвятить осмотру одного из лучших музеев мира. На этот раз она смогла осуществить свою мечту.

Она дала себе десять дней и все десять дней своего пребывания в северной столице с утра, как только открывался музей, и до самого вечера, когда он уже закрывался, провела в залах Эрмитажа, окунувшись в мир живописи и искусства. На какое-то время она полностью отрешилась от событий, происшедших в Москве, забыла о существовании «Эконом-банка», его главы и того задания, за выполнение которого неразумно взялась. Она забыла обо всем на свете. Такое происходило с ней каждый раз, стоило соприкоснуться с миром красоты. Она снова могла видеть и любоваться картинами и скульптурами своих любимых художников и ваятелей, таких разных и в то же время одинаковых по степени воздействия на умы и сердца своих поклонников. Рубенс и Микеланджело, Рафаэль и Роден, Леонардо да Винчи и Пикассо, Тициан и Моне, Ренуар и Ван Гог – стоило жить хотя бы ради того, чтобы увидеть шедевры, созданные ими. Она могла бы до бесконечности ходить по великолепным залам Эрмитажа, подолгу останавливаясь то у одной картины, то у другой

и любуюсь скульптурами, но пора было возвращаться в Москву.

Она вернулась в столицу, когда на город уже опустились сумерки. Стрелки часов приближались к девяти вечера, когда она подъезжала к дому, где на седьмом этаже находилась квартира Марины. Она машинально подняла голову и увидела в ее окнах свет. Неужели Марина вернулась? Да нет, не должно быть. Она уехала на три недели, а не прошло еще двух. Может, случилось что с ней или с Андрюшей? Не дожидаясь лифта, она, перепрыгивая через две ступеньки, помчалась на седьмой этаж. Пальцы плохо слушались, когда она отпирала дверь. Но вот ключ плавно повернулся в замочке, дверь открылась – и она оказалась лицом к лицу с Чингизом. Наргиз от удивления даже отступила на шаг. Он что, мерещится ей? Да нет, вроде нет. Это он и есть в плоти и крови, да и говорит знакомым ей голосом.

– Это ты? – Ну и мрачный у него голос! Под стать выражению лица.

– Глупый вопрос. Ну, конечно, это я. А что случилась? И что вообще ты здесь делаешь?

Она ступила в прихожую, повесила сумочку на вешалку и повернулась к Чингизу.

– Это ты у меня спрашиваешь, что случилось?! Тебе не кажется, что этот вопрос больше пристало задавать мне? Где ты, черт возьми, пропадала целых десять дней?!

На нее сыпался град вопросов, на которые она не хотела

и не собиралась отвечать. По крайней мере, сейчас. Она лениво пожала плечами и сделала попытку пройти мимо него в комнату, но он удержал ее за руку.

– Кажется, я задал тебе вопрос. И не один.

– Я не знала, что должна отчитываться перед тобой, где я провожу свое свободное время, – она постаралась вложить в свой голос побольше сарказма.

– Ах, ты не знала?!

Она ни разу не видела его в такой ярости. Его темно-карие глаза свирепо сверкнули, еще немного – и она просто не выдержит этого яростного взгляда.

– Да что случилось? – она вырвала руку и прошла в гостиную. Он вошел вслед за ней.

– Ничего не случилось. Если не считать, что в один прекрасный день ты не явилась на работу. – Он подошел к телевизору, по которому только что начали передавать вечерние новости, и выключил его.

Наргиз огляделась. Журнальный столик завален газетами, на табуретке крохотный поднос с полупустой чашкой кофе, на изголовье дивана подушка, которая еще хранит отпечаток его головы... Кажется, Чингиз неплохо устроился в квартире Марины. Она снова сосредоточила свой взгляд на собеседнике и, немного погодя, сказала:

– А что в этом странного или страшного? Если дело в деньгах, то можешь вычесть из причитающейся мне суммы плату за те десять дней, что меня не было на работе.

– Ты дура! – процедил он сквозь зубы. – Я и не представлял себе, что ты можешь быть такой безмозглой душой.

Ее глаза превратились в две ледышки.

– Если ты ждал меня, чтобы оскорбить, то считай, что преуспел в этом. Теперь можешь уйти.

Он не сдвинулся с места. Только сейчас она обратила внимание, какой у него странный вид. Он совсем не походил на того Чингиза, каким она привыкла его видеть. Его всегда чисто побритое лицо обросло двухдневной щетиной, глаза были воспалены, словно он несколько дней провел без сна.

– Где ты была? – спросил он снова.

– В Санкт-Петербурге, – нехотя ответила она.

– Что ты там делала? – Чингиз старался не выдать своего удивления.

– Ходила по музеям. Точнее, по одному музею – Эрмитажу.

– Вот как! – он чуть не задохнулся от возмущения. – Она гуляла по музеям, а мы тут с ног сбились, разыскивая ее. Что ты делаешь удивленные глаза? Да-да, мы искали тебя повсюду. За последнюю неделю мы обзвонили все больницы Москвы, побывали в десятках моргов, осмотрели дюжину трупов женщин, по описанию похожих на тебя. Вот уже несколько дней, как я и Максим попеременно дежури́м здесь в надежде, что ты либо вернешься, либо мы получим какое-либо известие от тебя. Мы даже отыскиали город и гостиницу, где отдыхает твоя подруга Марина, и позвонили ей в надежде, что

она знает, где ты. Она ничего не знала и теперь обеспокоена так же, как и мы. Еле уговорили ее не возвращаться в Москву, а продолжать отдых. Марина разрешила нам ждать тебя здесь, в ее квартире. Мы звонили в корпункт, где ты работаешь, но там нам ответили, что ты в отпуске и тебя нет в городе. На всякий случай мы стали периодически позванивать к тебе домой, однако там никто не поднимал трубку. Мы уже начали подумывать, не приложил ли руку к твоему исчезновению Машеров.

– Почему сразу такие черные мысли?

– А что мы могли подумать? Ты не вышла на работу и при этом даже не соизволила позвонить и предупредить, чтобы тебя не ждали, что будешь отсутствовать несколько дней.

– Я не думала, что мой отъезд вызовет такой переполох.

– Кто-то недавно хвастался, что может просчитывать на два хода вперед.

Она вспыхнула.

– Неправда, я этим вовсе не кичилась. Ну а если я доставила тебе и Максиму много хлопот, то прошу прощения. Впредь этого не повторится. Тем более что очень скоро я уезжаю домой. Теперь уже навсегда. День-два – вам недолго осталось меня терпеть.

– Ты не хочешь больше продолжать расследование?

– Нет, не хочу. С каждым днем оно мне нравится все меньше и меньше.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился он, – я не буду

настаивать. Завтра можешь прийти за гонораром. Я приготовлю тебе деньги.

– Мне не нужны эти деньги, – сухо произнесла Наргиз.

Он в недоумении посмотрел на нее.

– Это твои деньги. Ты их заработала.

– Я не возьму их. Не смогу. На них человеческая кровь.

На некоторое время в комнате повисла тишина. Оба с нескрываемой неприязнью смотрели друг на друга.

– Ты щепетильна без меры, – кривая усмешка тронула его четко очерченные губы.

– Какая есть, – угрюмо отозвалась Наргиз.

– Мне трудно воспринимать тебя такой, какая ты есть.

Она вскинула голову:

– Я понимаю, что ты жалеешь о том, что пригласил меня вести это расследование, но то была твоя, а не моя ошибка. Тем не менее, я помогу тебе ее исправить. Скоро я уеду, и ты сможешь забыть о моем существовании и обо всех неприятностях, которые я тебе доставила.

– Я с радостью это сделаю.

Чингиз стоял посреди комнаты и не торопился уходить, словно чего-то ждал. Она выжидающе смотрела на него, говоря всем своим видом: «Я устала и хочу остаться одна». Он подошел к журнальному столику, собрал в одну кучу все газеты, потом поправил на диване сползшееся покрывало.

В наступившей тишине особенно громко прозвучал телефонный звонок. Наргиз даже вздрогнула от неожиданности,

но не сдвинулась с места. Она не ждала звонка. «Это, наверное, Максим», – пробормотал Чингиз и взял трубку.

– Максим? Какие новости? – переспросил он. – Наргиз здесь. Нет, с ней все в порядке. Мы зря беспокоились. Она ездила в Питер. Зачем? Говорит, что соскучилась по Эрми-тажу. Да, да, ты не ослышался. Подробности потом. Встретимся завтра. До свиданья.

Он вернул трубку на место, а потом, едва взглянув на нее, попрощался кивком головы. Наргиз не вышла его провожать и, только когда входная дверь захлопнулась, вышла в прихожую и повернула ключ в замке. Вернувшись в гостиную, она включила телевизор, но, когда через несколько минут поняла, что не слышит ничего из того, что говорят с голубого экрана, выдернула шнур из розетки.

Конечно, она должна была подумать о том, как Чингиз и Максим воспримут ее внезапное исчезновение. Ее сестра права: она осталась такой же импульсивной, какой была всегда. Поддалась первому побуждению – и укатила в Питер, даже не подумав поставить кого-нибудь в известность.

У нее остался неприятный осадок и от встречи с Чингизом в ресторане «Боярский», и от последнего разговора с Максимом, не говоря уже о том, как тяжело на нее подействовала смерть Нинель. Она хотела забыться, не думать о том, что произошло за последние дни и что ее ждет впереди. Может, этим и объясняется ее желание исчезнуть из Москвы, оказаться где-нибудь подальше от нее? Но что бы

там ни было, сегодня она вела себя не лучшим образом, просто отвратительно. Она чувствовала себя виноватой и вместо того, чтобы извиниться, держала себя агрессивно. Чингизу было за что злиться на нее. Если она взялась за это расследование, то должна была довести его до конца, а не исчезать из города. Правда, она и мысли не допускала, что ее расследование приведет к чьей-то смерти. И потом – Чингиз первым нарушил их договор. Он не поверил в нее, усомнился в ее возможностях, в том, что она сможет найти второго осведомителя, и решил предпринять самостоятельные шаги.

Смягчающие обстоятельства, таким образом, у нее были, но на душе по-прежнему было мутно. Нет, ей лучше уехать. Это самое лучшее, что она может сделать в сложившейся ситуации и для Чингиза с Максимом, и для себя.

С этими же мыслями она проснулась на следующий день. Настроение было хуже некуда, хоть караул кричи. Она ходила из угла в угол маленькой комнаты, думая, думая. Ее мрачные мысли прервал телефонный звонок.

– Да? – выдохнула она в трубку.

– Здравствуй, Наргиз! Мы можем увидеться?

– Максим? Да, конечно. Где ты сейчас?

– Я возле станции метро «Чистые пруды». Тебя ждать?

– Да, я буду минут через сорок.

Наргиз немного опоздала. Максим терпеливо ждал ее возле телефонной будки прямо у выхода из метро. Заметив в толпе сходящих с эскалатора Наргиз, он пошел ей на-

встречу.

– Еще раз доброе утро. Мы давно не виделись. – Он мягко улыбнулся ей, взял под локоть и повел в сторону Чистых прудов. – Нам надо поговорить. Здесь неподалеку есть уютное кафе. Ты не против посидеть там?

– Конечно, нет.

Кафе действительно оказалось уютным. Много света, зелени, словно откуда-то сверху лилась тихая ненавязчивая музыка. Они заняли свободный столик у окна. Максим заказал две чашки крепкого кофе.

– Чингиз сказал, что ты была в Питере.

– Можно сказать, что я сбежала туда, – слабо улыбнулась она. – Питер лучше любого лекарства залечивает все раны.

– Мне знакомо это ощущение. – Он помолчал немного, а потом спросил: – Ты действительно собралась уезжать?

Наргиз кивнула.

– Поссорилась с Чингизом?

– Он сам сказал тебе об этом? – На этот раз Максим кивнул головой, а Наргиз угрюмо добавила: – Никогда не считала себя ни вздорной, ни склочной, ни скандальной, а в последнее время только и успеваю с кем-нибудь поругаться.

– Ты жалеешь о случившемся?

– Нет... Не знаю... Мне не нравится то, что я здесь делаю. Не нравится расследование, которое я провожу и которое приводит к трупам.

– К трупу, – поправил ее Максим.

– Впереди их может быть больше.

– Ты говоришь об этом так уверенно.

– Я и уверена в этом.

– И потому уезжаешь?

– И поэтому тоже.

– Я удивлен, что Чингиз тебя отпускает.

– Разве я не вольна поступить так, как того пожелаю?

– Конечно, вольна, но... – Максим замялся, не зная, продолжать или нет. Через некоторое время он с видимым усилием договорил: – Я еще не видел ни одной женщины, которая так заинтересовала бы Чингиза, как ты. У него серьезные намерения в отношении тебя.

Наргиз вспыхнула.

– Это он так разоткровенничался с тобой или ты сам догадался?

– Он говорил со мной о тебе, поделился своими планами на будущее...

– ...в которых, как оказалось, я занимаю немало места.

Максим сделал вид, что не заметил ее сарказма.

– Да, он хочет жениться на тебе.

– Кажется, ему удалось и тебя убедить в этом.

Максим даже вздрогнул от удивления.

– Не хочешь же ты сказать, что он обманывает меня? Я не вижу для этого никаких оснований.

Наргиз догадывалась, почему Чингиз решил признаться другу в своих чувствах к ней. Он не мог не заметить, что

они много времени стали проводить вместе. На его взгляд, слишком много. Как бы вдруг Максим не влюбился в нее! Чтобы пресечь самую возможность возникновения между ними каких-нибудь чувств, он и сказал Максиму о своих намерениях. Зная честность и благородство своего друга, он прекрасно понимал, что тот теперь ни за что не встанет на его пути. Максиму важнее счастье друга, чем собственное. И вот теперь он привел ее сюда, чтобы уговорить не ехать, остаться в Москве и помириться с Чингизом.

Наргиз не стала обо всем этом говорить Максиму, он все равно ей не поверит. Она лишь сказала:

– Чингиз из тех людей, которые ничего не станут делать просто так, без причины.

Не допив кофе, она поднялась.

– Я хочу уйти отсюда.

Он не стал настаивать на продолжении разговора, который не нравился ему так же, как и ей.

Когда «Мерседес» Максима остановился у здания банка, Наргиз не сдвинулась с места. Она поймала себя на мысли, что не хочет идти в банк. Может, на самом деле не идти туда, а просто попросить Максима вынести ее вещи? Она так и собиралась сделать, но вдруг подумала, что это даст друзьям повод заподозрить ее в трусости и малодушии. Ей этого не хотелось. Какая-то неприятная тяжесть сдавила грудь. Рядом сидел Максим и с напряженным вниманием следил за ней. Вздохнув глубоко, Наргиз выбралась из машины.

Сделала шаг, другой, заметила на земле какой-то сверкающий предмет, нагнулась – и в это время за спиной раздался звон бьющегося стекла. Наргиз инстинктивно, еще не понимая, что случилось, растянулась на асфальте. Прижавшись всем телом к земле, она повернула голову в сторону Макса – как он? Тот стоял, недоуменно поглядывая то на нее, то на разбившееся вдребезги стекло «Мерседеса».

– Ложись! – крикнула она.

Раздался второй выстрел. Наргиз его не услышала – стреляли из винтовки с глушителем, она только увидела маленькую дырочку, образовавшуюся на дверце автомобиля. Максим, поняв, наконец, что происходит, рванулся к ней. Он накрыл ее своим телом, заслонив от возможных повторных выстрелов, но последовали ли новые выстрелы – было непонятно. Прохожие удивленно поглядывали на двух людей, растянувшихся на тротуаре. Те, кто понял, что стреляли, шарахались в сторону или бегом устремлялись прочь от опасности. Максиму удалось вынуть из внутреннего кармана пиджака мобильный телефон и позвонить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.